

Тамара Михеева

Мия

Обрикобукс

рисунки
Юлии Биденко

Тамара Витальевна Михеева

Мия. Семь прях. Книга 1

Серия «Тайная дверь»

epub

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68777925

Издательство «Абрикос»; 2022

ISBN 978-5-6043489-1-8

Аннотация

У Мии три старших брата, три младшие сестры и куча обязанностей. И две радости: море и старая книга на чердаке. Она еще не знает, что мир намного больше, чем ей рассказывали. Что есть такие места, где море под запретом, потому что море – это свобода, а люди, мечтающие о свободе, неуютны ни Империи, ни самому благополучному в мире городу. Что книга, доставшаяся в наследство, вовсе не проста, а умение писать собственную историю важнее умения читать. Тем более что для этого нужна смелость. Мия не уверена, что хочет знать страшные тайны, в которых неожиданно замешаны дорогие для нее люди. Она сомневается, стоит ли продолжать этот путь, на котором больше вопросов, чем ответов. Слишком много странностей и совпадений. И полная неизвестность впереди.

Повесть «Мия», открывающая цикл «Семь прях», – первое фэнтези Тамары Михеевой, автора множества произведений для детей и подростков и лауреата нескольких премий по

детской литературе. В новой книге мастерство писательницы раскрывается с неожиданной стороны, а сказки обретают особую глубину и притчевость.

Содержание

Пролог	8
Часть первая	10
Дочь смотрителя маяка	11
Дочь агиба	26
Ветер в пятках	30
Лучшая лодка	41
Горячий шоколад с дорожной пылью вместо сливок	46
Алекта	51
Контакора	61
Два белых кролика и один котенок	72
Через Тимьянову пустошь	81
Дыхание дракона	89
Последний Приют	96
Книга северных песен	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Тамара Михеева

Мия. Семь прях.

Книга первая

© Михеева Т. В., 2019

© Биленко, Ю. С., 2019

© ООО «Издательство «Абрикос», 2022

*** * ***

Тамара Михеева

Художник: Юлия Биленко

абрикобукс

Моим самым близким и дорогим подругам, моему нежному и сильному женскому кругу:

*Тане, Оле, Кате, Свете,
сестре Наташе и почти сестре Ксюше,
Ташке, Юльке, Оле Колпаковой и Свете Соколовой.
Дружба с вами проверена и выверена годами, трудами,
горечью, радостью, завистью, любовью, одиночеством, раз-
говорами, молчанием, приключениями и открытиями.*

*И, конечно же, Си. С благодарностью за то, что было и
чего быть не могло.*

*Лишь тот, кто странствует,
открывает новые пути.
Норвежская пословица*

Объект: Элоис Току

Место: г. Рионела, Объединенное королевство, сектор
778.95\19ф, точное месторасположение не визуализируется

Заказчик: Этьен Гаррэт

Разработчики: Александра Сидорова, Кирилл Рогов

Исполнители: Александра Сидорова, Кирилл Рогов,

А. В. Арсеньев

Руководитель: А. В. Арсеньев

Вспомогательные средства и персонажи: бродячий театр,
сестры-близнецы

Якорь: морской конек + сладости

Метка: Сильвер

Срок: один месяц

Пролог

Третий день в Хотталаре шел дождь.

Мальчик сидел у окна и вырезал из букового бруска ложку. Море этой осенью подошло к их дому так близко, что мама перестала петь мальчику песни перед сном – море справлялось с этим лучше. Скоро придет зима. Будет дуть пронзительный ледяной ветер, море станет прозрачным и молчаливым. Лишь иногда взъерошат его темную спину шторма.

Мальчик любил резать по дереву, у него были ловкие руки. Иногда он вскидывал голову, смотрел в окно, на узкую полосу берега, на дождь, хлеставший с утра. Он никого не ждал: мама уехала в Алеку и должна была вернуться только завтра к вечеру. Мальчик не впервые ночевал один, он не боялся. Мама приучила его не бояться. Просто как-то тревожно было. Наверное, из-за дождя.

Вдруг мальчик что-то увидел за окном. Минуту он вглядывался в темноту, потом схватил куртку и бросился на улицу. Он стоял на пороге дома, холодный дождь царапал его щеки, но мальчик не обращал внимания – к дому приближался человек. Человек бежал, хотя дождь цеплялся за руки, связывал ноги в тяжелых от налипшей глины ботинках, человек бежал, как будто бы за ним гнались. Когда он приблизился к мальчику, тот отшатнулся – так изменилось знакомое лицо. Человек торопливо обнял мальчика, спросил:

– Мама дома? Ты один? Почему ты один? Черт, она мне так нужна! Когда она вернется? У вас все хорошо?

Он спрашивал, но не мог дождаться ответов, только говорил сам, торопливо и сбивчиво, а потом сунул ему в руки какой-то сверток:

– Спрячь, но не выбрасывай. Никому не показывай. И знаешь... лучше не говори маме! Никогда не открывай!

– Папа!

Но человек уже бежал прочь, будто его били по пяткам. Мальчик смотрел ему вслед, но не плакал.

Часть первая

Книги

*Понятно, что Вселенная есть Книга;
что все способы познания сводятся к одному –
к чтению...*

А. Иличевский.

Буква и Слово как Мертвое и Живое

...ибо миров больше, чем звезд на небе...

*Они повсюду, большие и малые, совсем рядом,
под боком прямо.*

*Они повсюду. Одни видно, другие нет, но
существуют двери.*

*Холм ли, камень ли, изгиб дороги или даже мысль
в твоей голове,*

но они здесь, они рядом, повсюду вокруг тебя.

Тебе надобно научиться их видеть,

а то ты ходишь среди них и не знаешь.

Терри Пратчетт. Маленький свободный народец

Дочь смотрителя маяка

Каждое утро Мия шла на берег моря. Туда, где лежала выбеленная морской солью и солнцем коряга. Мия садилась на нее, обхватывала руками колени и смотрела в море. Она думала о земле и о солнце, о больших дождях, что шли в прошлом месяце бесконечной чередой, о китах и о чайках, о море, которое она любила как большого доброго зверя, как верного честного друга. Она молча смотрела в лицо горизонту, и это молчание было похоже на песню. Она видела ро-счерк утра, и ей казалось, будто море несет ее неслышную песню куда-то, где она никогда не была и не будет, где растут невиданные деревья и живут чудесные звери, где большие города с большими домами, где много долгих дорог, по которым кочуют бродячие артисты... У них живет маленький серый ослик.

Мия хотела увидеть все это своими глазами. Но она никогда не бывала даже в городке, что стоял неподалеку от их маяка. У нее было три старших брата (Марк, Дик и Санди) и три младшие сестры (Лиза, Миса и Тина). Она потерялась где-то между ними. От братьев ей перепалили насмешки и старые избитые башмаки, от сестер – капризы и вечные заботы: умыть, причесать, покормить, отправить гулять, приглядеть, помирить, нарисовать им бумажных кукол, почитать, сделать лошадок из травы и лодочки из сосновой коры... и

так без конца. Родители и старшие братья вечно были заняты заработком, и Мия понимала, что так надо. Никак по-другому.

Две радости были у нее: море и старая книга на чердаке.

Каждое утро Мис шла на берег моря.

Море было утренней радостью. Она встречалась с ним в тот час, когда братья уже ушли на баркасах за рыбой, мама – на рынок продавать цветы и овощи с огорода, отец отсыпался после ночного дежурства на маяке, а сестренки еще не проснулись. Утро – лучшее время!

Книга была радостью вечерней. Их дом одной стеной при-мыкал к могучему телу маяка, и когда отец в тяжелых башмаках поднимался по винтовой лестнице внутри него, дом гудел в такт его шагам. И в эти минуты, когда все дела уже переделаны, Мия неслышно забиралась на чердак.

Здесь, на чердаке, она садилась в уголок, зажигала толстую-претолстую свечу, которую стащила однажды у Буна в лавке, и открывала сундук. Это был маленький старый сундук на железной защелке, Мия нашла его на чердаке случайно, прошлой весной. И чего в нем только не было! Две огромные ракушки (таких на их берегу не встретишь), маленький звонкий колокольчик, коробка с почти закончившимися акварельными красками и две кисточки, стеклянный голубой шарик, плюшевая собака с оторванным ухом, толстый красный карандаш, трубка, почерневшая от табака... Но самое главное – книга. Старая, разбухшая от частого чтения, с выцветшими картинками и – на другом языке. На языке, которого Мия не знала.

Она спрашивала о книге у взрослых. Но все пожимали плечами. Только отец сказал:

– Это сундук твоего деда, он был путешественником, по всему свету колесил. И книга тоже его. Правда, я сомневаюсь, что он мог ее читать. Вряд ли он знал какой-то язык, он и на родном-то говорил редко. Лучше бы ты не трогала ее, дочка...

Мия бережно завернула книгу в старую пленку Тины и положила обратно в сундук. И каждый вечер у нее было свидание. Она перелистывала потертые страницы, всматривалась в незнакомые слова, в буквы, которых не понимала, она разглядывала картинки. Книга была волшебной, Мия знала наверняка, просто не могла разгадать ее секрет. Картинок в книжке было немного, но Мия любила их все. И ту, на которой был морской берег, так похожий на берег, где стоит их маяк. И ту, на которой среди леса торчала серая скала, а на ее вершине сидела собака или кошка, а может, и вовсе какой-то невиданный зверь. И страшную картинку с драконом, изрыгающим пламя, и с прекрасной танцовщицей, и со шпилями башен старинных городов... И совсем уж странную, тревожную, где на площади в день большого праздника, среди флагов и шаров, в нарядной толпе испуганно жались друг к другу грязные, оборванные дети...

Но больше всего Мии нравилась такая картинка: по дороге ехала крытая повозка, на ней были нарисованы клоунские рожицы. Кто правил лошадьми, видно не было, но сзади, откинув полог, сидели мальчик с девочкой. Девочка держала в руках веревку, которой был привязан ослик, бегущий за по-

возкой. У мальчика на плече сидела странная сине-золотая птица. Мия никогда таких не видела. Но чему удивляться? Она ведь и повозок никогда не видела, и осликов, и букв-закорючек. Только в этой книге. Толстая белая свеча оплывала в плошке, Мия не сводила глаз с картинки, и в дрожащем свете свечи казалось, будто повозка движется, едет по дороге, оставляя клубы пыли, в которых трусит ослик. Наверное, поэтому он такой грустный: бедный, наглотался пыли...

– Мия! Спускайся, дорогая, завтра рано вставать, поедem на ярмарку. Тебе нужны башмаки, придется купить...

На ярмарку! Башмаки! Новые! Купленные, а не доставшиеся от братьев! И то правда: братья выросли, и все их башмаки теперь такие огромные, что кажется, будто она может поместиться в каждом целиком. Мия закрыла книгу. Она поедет на ярмарку! На настоящую ярмарку, в город! Санди иногда рассказывал, как здорово там! Торговые ряды тянутся через всю площадь, и чего там только не продают: мясо и сыры, фрукты, сладости, ткани и украшения, обувь, птиц в клетках, плетеные корзинки, сети, лодки... Всюду народ, гомон, толчея – и правда здорово! На площади устанавливают качели, карусель, приезжает цирк – там чудесные кудрявые собачки, огромная змея, попугаи, пони...

Мия вскочила на ноги, готовая бежать к маме, и книга выскользнула у нее из рук. И открылась как раз на той самой, любимой Мииной картинке. Ехал по пыльной дороге балаганчик, вез мальчика с птицей на плече и девочку, а за

повозкой семенил ослик. Вот бы они приехали в их город! Завтра! И тогда она увидит все это наяву! Вдруг в маяке у отца что-то тяжелое грохнулось на пол, дом вздрогнул всеми стенами, и в тот же миг случилось небывалое. Мия даже не поняла, как это произошло. Но только птица на картинке зашевелилась, расправила крылья, вытянула шею и вспорхнула с плеча мальчика. Она покружила над повозкой, над осликом, над пыльной дорогой и... вылетела из страницы. Прямо к Мии на чердак.

Мия взвизгнула и отскочила. А птица уселась на балку под крышей, скосила на Мию темный круглый глаз.

– Крооокооуул... – проговорила птица.

– Ты кто? – шепотом спросила Мия.

Она бы, пожалуй, не удивилась, если бы птица ответила ей человеческим голосом. Но птица не ответила. Повертела головой, мигнула и, расправив большие переливчато-синие крылья, вылетела в чердачное окно.

Наутро Мия, конечно, решила, что ей все приснилось. Она даже рассказала маме свой странный сон, пока та заплетала ей тугие косички. Но когда они вместе с родителями и Марком вышли из дома, чтобы отправиться на ярмарку, первое, что увидела Мия, была ярко-синяя птица с переливчатыми крыльями. Она сидела на заборе у их дома, смотрела на Мию, будто удивлялась, что та есть на самом деле. Будто птица тоже подумала, что Мия ей приснилась.

– Ого какая! – воскликнул Марк. – Наверное, из цирка

улетела! Вот бы поймать, кучу денег бы заработали!

Когда они проходили мимо, птица поднялась в небо и полетела к городу, и Мии показалось, что она указывает им дорогу.

На ярмарке все было так, как Мия представляла: и торговые ряды, где горланили зазывалы, и качели-карусели, и цветочницы в пышных юбках, с тяжелыми корзинами... Она потеряла из виду синюю птицу, а скоро и вовсе забыла о ней, так много вокруг было интересного! Мии купили башмаки из мягкой коричневой кожи – в таких хотелось бегать и прыгать, – а еще отрез клетчатой ткани на сарафан и яркий янтарный леденец на палочке. Это был самый счастливый день! Она крутила головой, боясь пропустить что-нибудь, а мама переживала, что Мия потеряется в такой толпе.

– Я уже взрослая! – рассердилась Мия. – Я хочу все посмотреть!

А про себя добавила: «Я этого всю жизнь ждала! И теперь опять целую вечность ждать, чтобы еще раз сюда попасть! Эти башмаки не скоро износятся, а папа говорит, что нога у меня, может, больше и не вырастет».

– Хорошо, – сдалась мама, отпуская ее руку. – Нам надо в лодочный ряд, потом в мясной и в мэрию. Где ты будешь нас ждать?

– Я посмотрю на карусель и схожу еще в книжную лавку, мне Санди про нее рассказывал, и еще я лодки посмотрю, я бабушке обещала, и...

– И потом придешь вот сюда, к этой кондитерской, ее отовсюду видно, и будешь нас ждать! Слышишь, Мия? Обещай!

– Обещаю!

– Ни с кем никуда не ходи! Кто бы что тебе ни говорил!

– Мааам! Я же не Тина! Я же взрослая!

– Но ты здесь первый раз и...

– Оставь ее, – вмешался папа. – Надо же и ей привыкать к самостоятельности. Пойдем, Эрли. Долго не гуляй, Мия.

И Мия получила свободу. Она побродила по круглой площади, от радости ничего почти не видя, ни во что не вникая. Она вбирала в себя гомон толпы, разговоры людей, запахи, случайные прикосновения... Один раз ее чуть не сбила с ног какая-то девчонка. На ней было странное коричневое платье чуть ниже колен – наверное, она где-то зацепилась им и оторвала подол, невозможно же ходить в таком коротком просто так! И у нее были стриженные волосы, всклокоченные, спутанные, будто она ни разу в жизни не брала гребень. А взгляд! Совершенно дикий был взгляд. Но глаза красивые – сине-зеленые, как море. Дикарка сильно толкнула Мию и сама шарахнулась в сторону, но Мия только улыбнулась, так все происходящее было не похоже на ее обычную жизнь. И странная девочка с глазами цвета моря криво улыбнулась в ответ, прежде чем исчезнуть в толпе. Это маленькое происшествие будто вывело Мию из транса. Она осмотрелась, выбирая, куда сначала пойти. Ей хотелось и в книжный ряд, и в игрушечный, и в кондитерскую, около которой ее оставили.

Она уже решила, что да, пожалуй, она начнет с книжек, но вот тут-то и случилось самое главное.

Сначала она услышала:

– Крооооооуул...

Потом синяя птица спланировала с высоты и уселась рядом с нею на скамейку, и тут же прямо с дерева спустился мальчишка в странном обтягивающем костюме, ярко-красном, блестящем. У него были гладкие черные волосы, стянутые на затылке в хвост, и большие темные глаза. Он внимательно посмотрел на Мию, а потом сказал:

– Так вот она какая, да, Сильвер?

– Я не Сильвер, – пробормотала Мия и поспешно вытащила леденец изо рта.

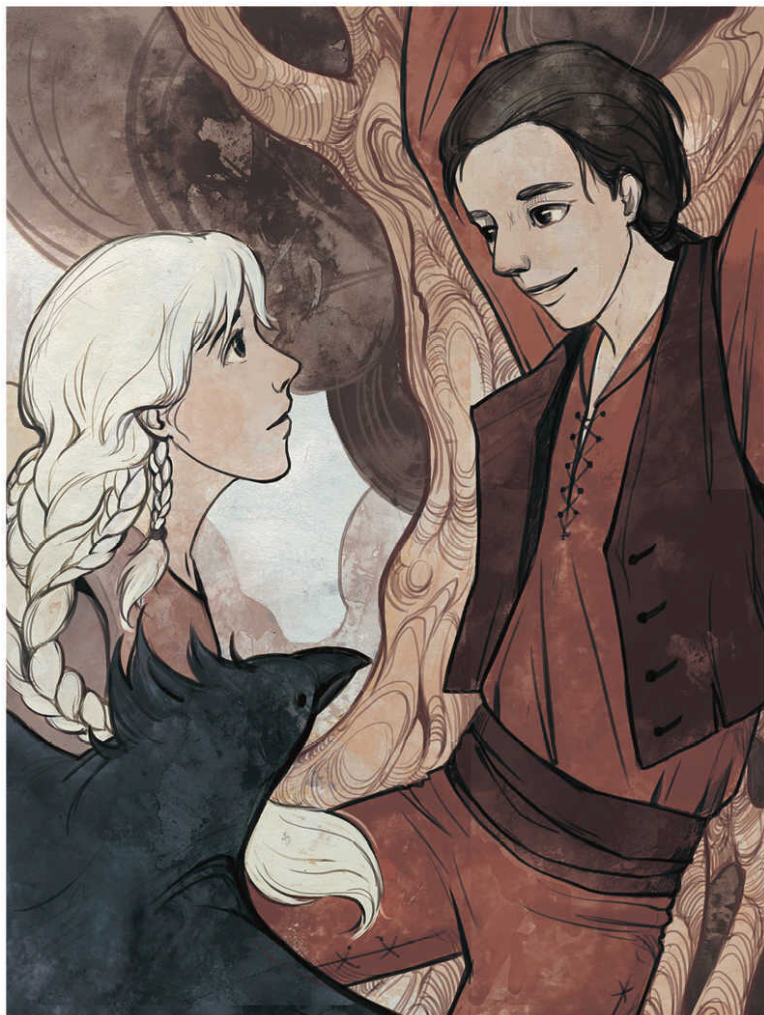
Мальчик расхохотался, запрокинув голову:

– Конечно, ты не Сильвер! Сильвер – это птица. Мы с ней тебя искали.

– Зачем? – испугалась Мия. Она, конечно, стащила свечу у лавочника Буна, но об этом никто-никто не знает, и было это три месяца назад, и вообще, ей очень она нужна, а родители бы ни за что не купили!

Мальчишка вдруг стал очень серьезным, наклонился к Мии (и она ощутила еле слышный запах кофе и корицы) и сказал тихо:

– Надо.

У него были гладкие черные волосы, стянутые на затылке в хвост,

Мальчик долго вел ее узкими улочками и переулками, у Мии даже голова закружилась. Она сама не понимала, почему слушается этого... Рича. Так он назвался. Какое странное имя!

– Мы издалека приехали, – сказал вдруг Рич, будто прочитав ее мысли, – из другой страны. Мы всегда путешествуем, не сидим на месте.

– А кто вы?

– Бродячие артисты. «Театр дядюшки Арса»! – крикнул мальчишка, будто зазывая зрителей, так что на них даже заглядывались, и пояснил: – Дядюшка Арс – мой отец. Он хозяин театра. А твой кто?

– Смотритель маяка.

Рич резко затормозил, сшиб какого-то дядьку. Тот дал ему подзатыльник, но Рич только ойкнул и потер голову. Во все глаза он смотрел на Мию.

– Значит, это действительно ты...

А синий Сильвер, сидевший у него на плече, будто бы покачал головой: мол, я же тебе говорил, а ты не верил.

Они дошли до окраины города. Там, на выжженном солнцем поле, стояли две кибитки. И одна из них была точь-в-точь как на картинке в дедовой книге.

– Отец! – крикнул Рич на все поле. – Отец, я привел ее!

Вообще-то Мия не была трусихой. Трудно чего-то бояться, когда у тебя три старших брата. Но сейчас ей стало не по

себе. «Привел ее»? Зачем она агибам, бродячим артистам? Мия, конечно, слышала, что агибы воруют детей, но ведь это глупые выдумки, да?

Сказки про агибов самые страшные. Потому что агибы — это не драконы и не уродливые ведьмы, которые то ли есть, то ли нет, агибы ходят среди обычных людей и не сильно от них отличаются. Они странствуют по всему Объединенному королевству, заезжают в города, устраивают представления, и часто народ смеется над их шутками и замирает, глядя на акробатов. И кто-то бросает мелкие монетки в специальный ящичек, приколоченный к сцене... Но все знают, что агибы живут сами по себе, им никакой закон не писан; у них есть тысячи способов уйти от стражников, если те захотят их арестовать. А еще агибы воруют маленьких и красивых детей. Чтобы тоже сделать агибами. Для этого подходят только очень маленькие дети. Им вводят в кровь специальный раствор, чтобы их кости стали мягкими, тогда они смогут делать разные трюки на радость зрителям. Такие дети растут только до определенного возраста, лет до десяти или двенадцати, и остаются маленькими до глубокой старости. Смотришь на такого: вроде мальчишка как мальчишка, а на самом деле ему сто лет и он агиб. В это не очень-то верилось. Даже взрослые, если слышали такое, смеялись или фыркали, но все же запрещали детям подходить к агибам близко и в одиночку.

Мия покосилась на Рича. Он почувствовал ее взгляд и

улыбнулся, погладил птицу по голове. Ерунда, никого они не крадут, к тому же она для этого уже слишком взрослая, из нее агиба уже не сделать... И что в ней такого особенного?

Из-под повозки вылез высокий худой мужчина. Он неспешно вытирал руки о тряпку, разглядывая Мию, и был самым обычным, похожим на любого жителя Хотталара: русые волосы, усы, спокойные серые глаза, уверенные движения. Только одет непривычно – в алую рубаху с широким воротником, черные блестящие штаны и жилетку на шнуровке. На поясе у него был повязан пестрый платок.

– Значит, это она? Ты уверен, Рич? Мы ведь не можем ошибиться.

– Сильвер привел ее.

– Семь прях! – воскликнул отец Рича. – А я уже и не надеялся, что она существует.

Он так пристально разглядывал Мию с головы до ног, что она с облегчением подумала: хорошо, что ей разрешили сразу же надеть новые башмаки. Потом он протянул ей узкую ладонь.

– Я – Арс.

– Мия.

– Подходящее имя для дочери смотрителя маяка, а, Рич?

Рич улыбнулся и вдруг прошелся колесом, а потом сел на шпагат, выпрыгнул из него и сделал сальто назад.

– Ну-ну, хватит паясничать, – проворчал Арс.

– Что? Я разминаюсь перед представлением. – И Рич так

весело стрельнул глазами, что Мия невольно улыбнулась.

– Давай лучше расскажем все девочке, а то сбежит принцесса, глазом моргнуть не успеешь. А ты найди Крошку Си.

– Ой, нет, я полдня за ней гоняюсь! Уж лучше я расскажу! Пойдем, Мия.

Так Мия оказалась у повозки из своей книги. Она увидела и разрисованные веселыми рожицами борта, и грустного ослика. Но внутрь они не успели залезть, потому что Арс крикнул:

– Знаете, пойдите вместе ее поищем.

– Боишься, что я не так все сделаю? – скривился Рич.

– Нет, просто Крошка Си тоже должна ее увидеть. До того, как мы всё расскажем.

Дочь агиба

У Крошки Си был дар разговаривать с людьми. Она не боялась ни учителей, ни полицейских, ни чиновников, ни министров. Она бы даже короля, наверное, не испугалась. Потому что твердо знала: все люди на земле... просто люди. Даже самые важные. Поэтому это было ее дело – ходить по кондитерским, разговаривать, расспрашивать, искать след. Крошка Си сама себя называла Следопытом. А что? Имела полное право!

Кто нашел в конфетном ряду на Ежегодном фестивале сладостей в Адегау морского конька, процарапанного на стойке с имбирными пряниками? Она, Крошка Си! А он был первой зацепкой все-таки... И картинку с повозкой, в которую впряжены три морских конька, в кондитерской на Пала-пьяретто – тоже она. Да что там! И золотого конька на короне королевы сладостей в Кошачьей Лапке, и зеленого, нарисованного мелками на входной двери в «Сладкоежку», и алого в темном углу булочной Катины – всё она, она! Иногда Си казалось, что «их» морские коньки даже выглядят по-особенному, имеют другой, отличный от прочих, запах и сияние.

Что ни говори, а кондитерских, булочных, кофеен, кафе-мороженых Крошка Си повидала немало. Но кондитерская госпожи Кортни была необычной. Даже для нее.

– Какие у вас интересные обои!

– Шоколад.

– Шоколад?

– Конечно, ты что, первый раз в жизни видишь стены из шоколада?

Крошка Си провела пальцем по стене рядом с посудным шкафом, а потом сунула палец в рот.

– С мятой?

– Эта с мятой. А противоположная – с корицей. Там – дробленый орех. Ты какой больше любишь?

– С красным перцем, – насмешливо сказала Крошка Си.

– С перцем – на потолке. Стремянку дать?

– Давайте.

Крошка Си забралась на стремянку и взяла протянутые ей блюдечко и ложку.

– Терпеть не могу, когда девочки суют пальцы в рот, – проворчала госпожа Кортни.

Крошка Си соскребла ложкой длинную стружку с потолка, и вот тут-то ей и открылся морской конек. Да, это для них.

– А как ваша кондитерская не тает на солнце? – спросила она.

Госпожа Кортни фыркнула:

– Могу я иметь хоть один секрет? Я же не спрашиваю тебя, почему ты ходишь в одежде агиба и от тебя несет собаками, будто ты спишь с ними в одной конуре. Или почему ты так

установилась на морского конька.

– Просто люблю морских коньков, – пробормотала Крошка Си. – А что, правда, несет псиной?

– Да нет, – усмехнулась госпожа Кортни. – Просто я видела, как две огромные собаки тебя провожали.

– Ага, они меня любят.

Си спустилась, села на нижнюю ступеньку стремянки и съела весь шоколад, который наскребла в блюде с потолка.

– Вкусно.

– Еще бы! Все самое ценное всегда хранится у нас над головой. – И палец госпожи Кортни указал прямо на морского конька. Эти слова Крошка Си тоже запомнила.

Потом Крошка Си забралась на крышу кондитерской. Отсюда был виден весь город: и ближние дома, и дальние, много-много крыш, все разноцветные, с флюгерами. За домами – рыжая на солнце степь, по которой они ехали так долго! А с другой стороны – море. Город был зажат степью и морем, взят в ладони – сухую, горячую и прохладную, влажную. Крошка Си хотела бы жить в таком городе.

Она разбежалась и прыгнула. Прямо на ветку дерева, что росло около кондитерской. Она сделала на ней «солнышко», а потом стойку на руках и только тогда посмотрела вниз. Внизу стоял Арс.

– Нагулялась? Прыгай.

Жаль, она так хотела забежать в кондитерскую еще раз! Что-то померещилось ей в этой госпоже Кортни, хотелось

поближе рассмотреть ее, повнимательнее. Крошка Си послушно отпустила ветку и упала на руки Арсу.

– Ты допрыгаешься у меня, – проворчал он, но Крошка Си видела – он прячет улыбку.

Арс взял Крошку Си за руку, и они пошли по улицам, избегая самых шумных и многолюдных. И со стороны казалось: идут отец и дочь, ну да, агибы, и даже не снимают своих клоунских нарядов в приличном городе, но вот разговор у них был странный... Хотя агибы, они агибы и есть, они состоят из странностей, и кто же будет с этим разбираться? При встрече с ними добрые люди свернут с дороги, помянув заступника Хотту, избавителя от бед.

Арс внимательно посмотрел на Крошку Си:

– Нашла?

– О да! Таких кондитерских, как тут, я еще не встречала.

– Ну и?

– Да, – кивнула Крошка Си. – Морской конек на потолке шикарной кондитерской. Я бы даже сказала, лучшей во всех мирах!

– Хорошо. У меня для тебя тоже новость: Сильвер вырвался из книги. Мы нашли дочь зрителя маяка.

Ветер в пятках

– Ну, не знаю... странно все это...

– Я понимаю, вам трудно поверить, я бы и сам не поверил.

Но ваша дочь и ее книга...

– Чертова книга! Так я и знал, что из-за нее будут неприятности! – выкрикнул в сердцах маячник.

– Ты знал? – Мия во все глаза смотрела на отца. – Ты знал про нее и не сказал мне!

– Говорил: не трогай ты ее, не открывай... но ты же упрямая! Все по-своему, все лучше всех знаешь...

Мама прижала Миину голову к своей груди, будто желая защитить от несправедливых обвинений. У мамы было много детей, и иногда Мии казалось, что мамина любовь поделена на семь частей и от этого каждому достается по чуть-чуть. Но сейчас, в эту минуту, вся мамина любовь была только для Мии. Может быть, в первый и последний раз.

– И что же вы хотите? – ворчливо спросил отец.

– Чтобы ваша дочь поехала с нами. Всего на неделю. И чтобы книгу взяла, конечно.

– Не слишком ли много вы просите? Учитывая, что я вижу вас первый раз в жизни?

– Я знаю. Моя просьба... странная, и вам страшно отпускать дочь. Но я мог бы предложить ей заработок. Она бы работала с нами, я готов платить ей двойное жалованье. Тогда

вы сможете купить ей новое платье к школе или...

– Вы что, думаете, я продам свою дочь? – взревел отец.

Мия спрятала лицо у мамы под мышкой. Она знала, что ее никогда не отпустят. Никогда-никогда-никогда. Всю жизнь она будет нянчить младших и терпеть старших. Мыть, стирать, убирать и шить. Никакой кибитки, никаких дорог и никакого ослика.

– Почему продать? Нанимаются же ваши старшие сыновья к рыбакам, и вы не считаете этой продажей, – резонно заметил Арс.

– Сравнили! – фыркнул отец. – Они взрослые парни, сумеют постоять за себя!

– Вы думаете, мы будем обижать вашу дочь? – фыркнул в свою очередь Арс. Даже мысль эта показалась ему смешной. Мии, после дня, проведенного в бродячем театре, тоже.

– Не пойму я все-таки, зачем она вам, – вставил Марк.

Все три брата сидели здесь же, за столом. Мия тоскливо подумала, что одному Арсу с ними не справиться ни за что, не убедить, не уговорить. А у Мии нет права голоса. Надо было брать Крошку Си. Она хоть кого уговорит.

– Мия, возможно, единственный человек, который может нам помочь.

– Помочь в чем?

– Я не знаю, – вздохнул Арс. – Не знаю, как объяснить. Это сложно и запутанно.

– Хорошенькое дело! Куда же вы везете нашу сестру?

– Мы просто поедем по дороге. Ведь она ничего не видела, кроме этого берега и вашего городка...

– Чем же плох наш город?! – тут же взвился Дик.

– Город прекрасный. Но иногда, чтобы понять это, нужно увидеть весь мир. Не бойтесь, мы не повезем ее вокруг света. Недолгое путешествие, всего неделю... Сколько лет вашей дочери?

– Тринадцать.

– Тринадцать... В этом возрасте многие девочки уже начинают работать...

– Распоряжайтесь в своем доме, господин агиб! – закричал отец и стукнул кулаком по столу.

Арс промолчал. Какое-то время все сидели молча. Братья переглядывались друг с другом, мама все так же обнимала Мию. Отец смотрел на свой сжатый кулак, лежащий на столе. Похоже, ему было неловко за свою вспышку гнева. Марк первым нарушил молчание:

– Я все-таки не пойму, зачем вам Мия? Почему вы не можете ничего толком сказать?

– Ты просто поздно пришел, Марк, – шепнула ему мама, которая, вопреки всему, чувствовала, что с Мией придется расстаться.

Но ничего такого важного Марк не пропустил. Арс пришел сразу после ужина. Вежливо поздоровался и попросил уделить ему немного времени. Он подробно рассказал о своем театре, о том, как они ездят из города в город, дают пред-

ставления и этим зарабатывают себе на хлеб. Что театр у них хороший, только бедный. Костюмы они шьют сами, сами делают реквизит для спектаклей. В угоду зрителям Арс переделал все пьесы, теперь они больше похожи на цирковые представления – герой Рича ходит по канату, Лу и Лота показывают фокусы, сам Арс наряжается в клоунский костюм, а Крошка Си выступает с дрессированными собаками. Они не сидят на месте: в поисках зрителей им все время приходится переезжать.

– Агибы, – кивнул отец, даже не пытаясь скрыть свое пренебрежение.

– С вашего позволения, можно и так сказать. Я знаю, здесь не очень нас жалуют, рассказывают страшные истории, но, поверьте, я в жизни не украл ни одного ребенка и не съел ни одной кошки. Клянусь.

Тогда отец пересилил себя и спросил, что же ему, агибу Арсу, нужно от него, маячника Дика, и его семьи.

– Я бы хотел нанять вашу дочь Мию проводником.

Отец смеялся долго и обидно. Мия молчала, а мама сразу притянула ее к себе, погладила по голове.

– Вы, верно, не в своем уме! – сказал отец. – Моя дочь Мия вчера первый раз была в ближайшем городе, какой из нее проводник?

– Такой, который нужен нам, – терпеливо объяснял Арс, и Мия поражалась, что он говорит правду, то есть говорит то же самое, что говорил ей. А ведь мог соврать что-нибудь,

придумать более достоверную историю! – У вас есть книга, которую может прочитать только Мия. А эта книга и есть наш проводник. Но без Мии она не работает. Такие книги создавали много лет назад в городе Риле. Книги, которые открываются только одному человеку, тому, который по-настоящему проникся ими, знает их и...

– Куда же вас надо проводить, господин агиб? – перебил отец.

– В закрытый город Рионелу.

– Рионела? Это же город из старых сказок!

– Почему же? Это вполне реальный, хоть и далекий город.

– Далекий? – встрепелась мама.

– Да. Но Мии не нужно вести нас до конца. Главное, вывести на правильную дорогу. А я надеюсь, это произойдет быстро.

– И можно узнать как?

– Рионела – закрытый город, его нет на обычных картах, и попасть туда можно только с помощью вашей книги, прочитать которую может только Мия. Вот так все запутано. – Арс развел руками, будто извиняясь. – Так уж получилось. Наверное, Мия часто листала эту книгу, рассматривала картинки, разговаривала с ней... может, ей было немного одиноко и...

– И что же вам надо в закрытом городе? – опять перебил его отец. – Ведь если его закрыли, на то были причины, вы об этом не думали? Может, там у них чума?

Арс фыркнул, будто услышал величайшую глупость.

И вот сейчас Арс опять повторял все это для Марка, который пришел позже всех.

— Потому что только Мия может прочитать ту книгу, которая хранится у вас на чердаке.

И Мия опять промолчала. Какой смысл? Она уже сто пятьдесят раз сказала Арсу, Ричу и Си, что читать на языке, на котором написана книга, не может. Но они ей, кажется, не очень верили. Как родители и братья не верили сейчас Арсу.

— Принеси книгу, Мия.

Она вынырнула из-под материнской руки и взглянула на отца. Уж не показалось ли ей?

— Принеси книгу.

Ну вот и все. Сейчас Арс увидит, что она не может ничего. Вздохнет, извинится и уйдет. И завтра они все уедут. В другие города.

Как высоко чердак! Как много ступеней ведет туда! Раньше Мии хватало минуты, чтобы взлететь по ним, но теперь... целый день она мечтала, что сможет вырваться из дома ненадолго, надолго она бы и не хотела, наверное, все-таки это дом... Она мечтала и верила, даже когда отец фыркал, а мама тайком вытирала слезы, даже когда Марк задавал свои вопросы... Но теперь все, какие могут быть надежды? Она не знает языка, на котором написана книга.

— Читай, — сказал отец.

Мия уставилась на страницу. Молча. Отец усмехнулся.

– Говорить больше не о чем.

Арс внимательно смотрел на Мию. Потом сказал:

– Возможно, все не так просто, но я чувствую, что это она.

– Знаете что, господин клоун? – взъерился отец. – Мне нет дела до ваших чувств! Убирайтесь!

Арс тяжело поднялся. Он задумчиво смотрел на Мию. Он будто знал какой-то секрет, но не хотел говорить при всех. Взяв шляпу, он пошел к двери. Отец по привычке сказал:

– Проводи гостя, Мия.

Провожать гостей тоже было ее обязанностью. Мама встревоженно смотрела им вслед. Уже на пороге Арс положил руку Мии на плечо и сказал тихо:

– Если не получилось с первого раза, это еще не значит, что не получится никогда. Мы уезжаем завтра на рассвете.

И ушел. Так и не сказав секрета. Мия вернулась к столу. Она все еще не смела поднять глаза на родных. Они ведь все, все решили, что она хочет уйти от них! Бросить! Будто она их не любит! Променяла семью на кучку бродячих артистов!

«А ведь так и есть, – поняла Мия. – Я ведь и правда готова была их бросить».

– Иди спать, дочка. Завтра трудный день.

«Ничего не трудный. Такой же, как и всегда», – подумала Мия.

Книга осталась лежать на столе.

Уже в постели ей вдруг пришло в голову, что отец сгоряча, пожалуй, может и сжечь книгу. Мия тут же вскочила и

выскользнула из комнаты. Все что угодно, только не книга! Она будет работать день и ночь, она и думать забудет о далеких городах, но если они сожгут книгу, что останется у нее, кроме утреннего моря?

– Сожги ее, отец! – кипятился на кухне Марк. – Ты же сам говорил, что все из-за нее!

– Нет, сынок, – горько вздохнул отец. – Ну при чем тут книга? Просто у твоей сестры ветер в пятках. Особый такой ветер... ветер странствий. Я-то все думал, кому из вас это достанется. А досталось Мии. Она вся в моего отца. А единственная просьба, которую я слышал от своего отца, была беречь эту книгу. Правда, открывать он ее не разрешал. И я слушался его всю жизнь. И прятал книгу на чердаке. Кто ж знал, что моя собственная дочь... Нет, сынок, жечь мы ее не будем. Твой дед был сумасброд, но все-таки надо уважать его волю. Я запру ее у себя. Мать! Давай-ка ты поменьше поручений Мии. Сдается мне, наша девочка просто устала. Идите спите. Завтра в море.

Мия спряталась за занавеской, пока все расходились. Отец еще сидел у стола, постукивал пальцами по твердой обложке книги. Во дворе завывала собака. Сердце Мии стучало так сильно, что, казалось, могло разбудить сестренку, спящих этажом выше. Все, что она хотела сейчас, – это забрать книгу и спрятать подальше, чтобы больше никто не мог отобрать ее. Она так привыкла ко всем, кто жил под ее обложкой, на ее страницах! И девочка с мальчиком в кибитке,

и котенок, лежащий на чьих-то коленях, и бородач в нелепой шляпе, и милый старичок, перебирающий письма... Все они были будто ее добрые друзья. Как сказал Арс отцу? «Только Мия может прочесть то послание, которое спрятано в книге. Послание, которое укажет нам путь в Рионелу». Как и отец, Мия не верила ни одному слову агиба. Но ей очень хотелось уехать с ними. Куда-нибудь! Она вернется потом, обязательно вернется! Всего недельку! Ну что может случиться за неделю? Тина расквасит нос Мисе? Ну и поделом, Миса ужасно вредная!

– Паршивый пес! Чтоб тебя!

Отец пошел к двери, сейчас он выйдет во двор успокаивать Пирата, который уже разбудил своим воем соседских собак. Этих пяти минут Мии хватит. А потом? Отец, конечно, догадается! Ну и пусть! Она уговорит его, она будет плакать и упадет на колени, как делает Миса, когда ей что-нибудь надо. Отец этого терпеть не может, он на все согласится, лишь бы прекратить этот концерт. Мия выскочила из-за занавески, схватила книгу и бросилась в свою комнату. Куда спрятать? Под подушку – в два счета найдет! Под подушку Тины? Она маленькая, ее будить не будут! Только Мия успела спрятать книгу и прыгнуть в постель, как скрипнула последняя ступенька перед их дверью, и отец тихо зашел в комнату. Он подошел к ее кровати, навис над ней и долго смотрел, смотрел. Но Мия умела притворяться спящей. Она лежала на животе, отвернув лицо к стене, и дышала ровно-ров-

но. Отец запустил руку ей под подушку, потом под матрас. Он открыл ее ящик и долго рылся там. Потом потряс ее за плечо.

– Мия! Проснись, чертовка, я знаю, что ты не спишь!

Мия вздрогнула, будто только что проснулась.

– Где книга?

– Папа?

– Где книга?

– Ты забрал ее...

– Не ври!

– Я спала. Я не вру. Ты все время думаешь про меня только плохое!

Она знала, что он отступит. Он всегда отступал, стоило намекнуть, что он не любит детей. Мии казалось, что это оттого, что на самом деле не любит.

– Ладно, утром поговорим. Смотри у меня!

Утром! Ну, что ты будешь делать утром, Мия? Когда мама придет будить тебя? Ты встанешь и будешь делать все, что делаешь каждый день, изо дня в день... И так до конца своих дней!

«Мы уезжаем завтра на рассвете...»

Мия спустила ноги с кровати.

«И я. Я тоже уезжаю на рассвете», – поняла она.

Когда растишь трех младших сестер, умеешь многое делать бесшумно. Мия сняла наволочку с подушки, положила туда юбку, кофту и платок. Старые башмаки – хоть и разва-

ливаются, а в дороге пригодятся запасные. Книгу она завернула в Лизину косынку и тоже положила в наволочку. Лиза добрая, она ее простит. Теперь потихоньку – вниз. Мия знала все особенно скрипучие ступеньки и половицы в доме, она их старательно перешагивала. Открыв дверь, Мия увидела, что синий Сильвер ждет ее на ветке старой груши, и почувствовала, как в пятки ей ударил тот самый ветер странствий, про который с такой горечью говорил отец.

Лучшая лодка

Можно было уйти из дома, не сказав ни слова родителям, но нельзя уйти из города, не попрощавшись с одним человеком. Мия обогнула маяк, пробежала по тропинке, собрав на юбку мелкие колючки с высокой травы, на холм, с холма, и вот – спуск к воде, второй дом слева от скобяной лавки.

– Кого это несет в такое время, черт меня побери!

Бабушка не держала собак. Бабушке Гаррэт не нужны были собаки и другие сторожа. Ни один человек в городе и его окрестностях не рискнет забраться в ее дом.

– Ну, и чего ж тебе не спится, дурная башка?

Бабушка Гаррэт делала лодки. И разговаривала она вот так: как лодочники и рыбаки. У бабушки короткая, открывающая шею стрижка и челка до бровей – как у маленькой девочки. А сама высокая, худая, с мускулистыми, мозолистыми руками. Если бы не грудь и не льняная полосатая юбка, которую она вынужденно надевала, чтобы не шокировать всех своим рабочим комбинезоном, когда везла свои лодки продавать на ярмарку, ее принимали бы за мужчину. Даже рукава рубашки она закатывает по-мужски, до локтя. В ее доме всегда пахло деревом, краской, горячей смолой. В ее доме царил кавардак и вместе с тем все предметы лежали на своих местах. Лодки бабушка строила прямо в большой комнате, там, где у всех нормальных людей обычно располага-

ется гостиная. Поэтому, когда у Мии выдавалась свободная минутка и она прибегала к бабушке выпить чаю, они садились прямо на горы стружки. Каминном в гостиной бабушка пользовалась только зимой, потому что зимой она не делала лодок, а только читала, вязала длинные полосатые шарфы и рисовала.

– Может, будешь делать лодки в сарае? – спрашивал ее сын, Миин отец. – Как все нормальные люди?

– Может, яйцо не будет учить курицу, как цыплят высиживать? – отвечала бабушка Гаррэт и невесело усмехалась.

Она вообще была невеселой. Но Мии было с ней хорошо и спокойно. И, пожалуй, только ее осуждения она по-настоящему боялась.

Тук-тук-тук-тук. Мия представляла, как бабушка распаивает глаза, будто и не спала вовсе. Как смотрит в темноту, в светлеющее пятно лодки посреди гостиной. Теперь надо постучать еще раз, чтобы она убедилась, что ей не послышалось. Она встанет, не снимая ночной рубашки, влезет в рабочий комбинезон. Бабушка, не признающая халатов. Она пойдет босыми ногами по свежей стружке, и та будет чуть поскрипывать под ее ногами.

– Ну?

– Я уезжаю на рассвете, – выпалила Мия, прижимая к груди свой узелок.

– Это я вижу.

Пожалуй, это была плохая идея. Сейчас бабушка схватит

ее за руку и потащит домой.

– Все взяла?

– Что?

– В дорогу все взяла?

Они так и стояли на пороге. Мия кивнула побыстрее. Какая разница? Она взяла то, что смогла.

– И веревку?

– Зачем мне веревка?

Бабушка покачала седой головой и пошла к верстаку. Там она долго копалась среди своих вещичек, гремела жестяными коробками и бормотала:

– Мой муж, да съедят его гаргульи, всегда брал с собой веревку в дорогу. Говорил, что нет вещи нужнее. Ну да он тот еще врун. Обещал любить меня всю жизнь, а сам бросил с твоим маленьким отцом на руках. Ну и черт с ним! Я уж думала, ты никогда не решишься отправиться в путь. Вот. Моток крепкой веревки, нож и коробка печенья.

На узкой и длинной коробке для печенья были нарисованы ракушки и хоровод морских коньков.

Она подмигнула Мии.

– Не знаю, как мужчины, а я-то ни шагу не сделаю за порог без печенья.

– Ты не сердишься на меня?

– За что, птичка? За то, что ты такой уродилась? Глупо сердиться на того, кто всего лишь хочет сбежать из дома и посмотреть мир. Ступай с богом, моя девочка. И ничего не

бойся. Бабушка примет тебя, даже если ты вернешься ни с чем, хромая, босая и одноглазая.

Мия робко улыбнулась и обняла бабушку. Обычно ее смешили бабушкины странные шутки, но сейчас было не до смеха.

– Погоди-ка, – сказала бабушка, вышла из дома и пошла к морю.

Мия видела, как она ходит по берегу, наклоняется, будто что-то ищет, отбрасывает ненужное и снова ищет. Наконец она вернулась.

– Бери. И ничего не спрашивай, просто не потеряй в дороге.

Бабушка вложила ей в руку осколок раковины рапаны. Весь берег был усыпан такими. Чайки подхватывали целые ракушки, поднимались в небо и бросали их с высоты на камни. Ракушки разбивались, и умные птицы могли спокойно съесть моллюска. Осколок, что бабушка вложила Мии в руку, был как вытянутое колечко. Он мягко светился оранжевым по внутренней части кольца, а по внешней разбегались полосами коричневые точки.

– Места он почти не займет в твоём узелке, да и весит немного.

Мия кивнула. Станный все-таки подарок на память. Может, они видятся последний раз в жизни, а бабушка дарит ей всего-то расколотую ракушку с пляжа, одну из тысячи точно таких же. Бабушка обняла ее.

– Все лодки стремятся в море. Такой уж у лодок удел.

– Я ведь не лодка.

– Какая, к черту, разница? Придет время, и единственное, чего тебе будет хотеться, – это посидеть у камина с чашкой крепкого чая в руках, кутаясь в теплый плед. Но пока это время не настало, я буду строить тебе лодку, птичка. Клянусь, это будет лучшая лодка на свете! Ступай.

Бабушка почти вытолкнула Мию на тропинку.

У повозок Мию встретили собаки: Буль, Тулуп и Пенка. И Крошка Си. Она сидела на заборе, огораживающем заброшенное поле, на котором стояли повозки агибов, и улыбалась Мии.

– Я знала, что ты удерешь. – Крошка Си протянула Мии разноцветный леденец. Мия таких никогда не видела. – Рич расплакался, как девчонка, когда отец вернулся от вас ни с чем. Но я знала, что ты удерешь. Я бы удрала.

– Я ведь не ты, – улыбнулась Мия.

Она не лодка, она не Крошка Си. Но, может быть, в ней есть что-то от той и от другой.

Горячий шоколад с дорожной пылью вместо сливок

В повозку било солнце, солнце со всех сторон. Мия думала, что внутри будет прохладно, но уже к полудню ткань повозки нагрелась так, что трудно было дышать. Поэтому они с Крошкой Си откинули полог и сели на бортик. Смотрели, как убегает дорога.

– Я попала в свою книжку, – вздохнула Мия.

Рич сидел на козлах и горланил какую-то незнакомую Мии песню:

*Мне сегодня радостно,
И так теперь и будет!
Дорога, дорога катится
Желтой лентой судеб!
Маттеа, детка, боже мой,
Дождись меня, дождись!
Вернусь не скоро я домой,
Но ты меня дождись!*

Сильвер кружился в высоком, жарком небе; семенил за повозкой серый ослик.

– Лу и Лота тоже ваши родственники? – спросила Мия.

– Да, младшие сестры отца. Они близнецы.

– Я поняла.

С Лу и Лотой она познакомилась утром. Они были молодые, красивые и очень похожие, но держались замкнуто и отстраненно, будто у них был какой-то секрет, один на двоих. Мия подумала, что за два дня узнала больше новых людей, чем за всю предыдущую жизнь.

– Хочешь горячего шоколада?

– Шоколада?

Честно сказать, Мия никогда не пробовала шоколад, тем более горячий. Бабушка Гаррэт убеждала ее, что дарила ей как-то плитку шоколада на день рождения, но, наверное, это было очень давно, и Мия этого не помнила.

– Ты думаешь, я не смогу приготовить горячий шоколад, потому что кибитку трясет? Ха! – И Крошка Си скрылась в их душном доме на колесах.

«Какое удивительное слово «кибитка», – подумала вдруг Мия. И что-то щелкнуло у нее в голове. «Кибитка», «кибитка»... Она дотянулась до своего узелка и достала книгу. Развернула косынку Лизы и не удержалась, понюхала. Она пахла Лизиными волосами, их комнатой, домом и немножко мамой.

«Ну и пусть! – нарочно сердито подумала Мия. – Они все равно не любили меня! Я им нужна только для того, чтобы следить за девочками и полоть грядки!» Она открыла книгу, впервые заметив, какая удивительно гладкая у нее обложка. А ведь на чердаке казалось, что книга вся покорежена временем, что ее хлестали дожди и перелистывали тысячи рук.

При свете дня она выглядела совсем по-другому. Будто вся собралась, сконцентрировалась, поджалась, как агиб перед прыжком. Как глупо думать так про книгу! Но именно так Мия чувствовала сейчас. Она погладила обложку, ощутила теплую гладкую поверхность. «Поговори со мной, – просила она книгу, – они все ждут, что я найду дорогу, укажу путь, но я даже не знаю, где искать и как. Я даже не могу прочитать тебя». Но нет, одно слово все-таки могла: «кибитка». Вчера, когда они тронулись в путь, Арс крикнул собакам:

– А ну марш в кибитку, бестии!

И пока Пенка, Тулуп и Буль толкались, пыхтели и огрызались друг на друга, Мия еще раз перебрала свой узелок. Все было на месте, только один уголок у страницы в книге загнулся. Мия разогнула его, и еще тогда ей показалось... тогда показалось, что этого не может быть, ведь она знает каждый дюйм книги, каждую закорючку, нет, нет, ни единого слова на знакомом ей языке, просто показалось! Сейчас Мия открыла книгу на той странице. Уголок еще не выпрямился до конца. Здесь не было картинок, только чужие буквы, сложенные в слова, как черепица на крыше, цепляются друг за друга. И – дырой среди них, пятном, воплем: *«кибитка едет по степной дороге»*. Так и написано. На ее, Миином, родном языке! Но как так может быть?

Читать ее научил Санди, он читал лучше всех в семье, быстро и выразительно, слова оживали, срываясь с его губ. Сначала Мия просто повторяла за ним, бормотала, будто

шла по следу. Потом он показал ей буквы и научил строить из них домики слов и улицы предложений. Потом Санди вырос и стал ходить в море, а Мия читала сказки сестрам вместо него.

– Кибитка едет по степной дороге... – пробормотала Мия.

– Вот твой шоколад, только сливок нет, они скисают на такой жаре. – Си протянула Мии кружку. – Что ты сказала?

– Кибитка едет по степной дороге.

– Ну да, едет. – Крошка Си посмотрела на нее в недоумении.

– Си! Я прочитала это в книге! Вот тут, видишь?

Мия ткнула пальцем в волшебной возникшую строчку.

– Знаешь, Мия... если честно... я не вижу.

– Как так? Ну вот же – написано!

– Нет, я совсем ничего в этой книге не вижу. Пустые листы, чистые страницы. И Рич не видит, и папа, и Лу с Лотой. Поэтому ты нам так нужна, понимаешь?

Крошка Си вдруг замолчала и приоткрыла рот.

– Что ты сказала?!

– Ну вот, я прочитала, – вконец растерялась Мия. – Вот тут, эта фраза, она перевелась с незнакомого мне языка, и я смогла прочи...

– Папа! – истошно заорала Крошка Си.

Рич затормозил, спрыгнул с козел и подбежал к ним.

– Кого режут?

Через минуту примчались взволнованный Арс и Лу с Ло-

той.

– Что случилось?

– Мия! Мия увидела в книге строчку *«кибитка едет по степной дороге»!* Она прочитала ее! Книга заговорила!

Все столпились вокруг Мии, книги и Крошки Си, все смотрели в книгу, и Мия уже знала, что никто, кроме нее, ничего не видит. Это была загадка, которую не могла вместить ее голова.

– Что ж, – вздохнул Арс, и вздох получился судорожным, нервным, – это означает, что мы на верном пути. Нам надо спешить. До вечера мы должны добраться до Алекты.

Все разошлись по своим местам, Рич щелкнул кнутом, ослик, привязанный к их кибитке, негромко всхлипнул, колеса зазакрипели.

Какое-то время они ехали молча. Мия смотрела, как ленточка дороги разматывается под их колесами. Кибитку трясло. Шоколад в кружке остывал, покрываясь корочкой дорожной пыли.

Алекта

Добраться до Алекты засветло они не успели. Едва солнце упало за горизонт, Арс остановил повозки.

– Заночуем здесь.

Никто не спорил. Место было хорошее: дорога разветвлялась на две, и та, что поуже и поплоче, уходила вниз, к оврагу, по дну которого тек ручей. Редкий ольшаник защищал хоть чуть-чуть от ветра, и веток на костер хватало, хоть и горели они неважно. Распрягли лошадей, отпустили пастись. Собаки устало улеглись у колес кибиток.

– Присмотри за лошадьми, – сказал Арс Крошке Си и повернулся к Мии: – Устала? Нет? Тогда помоги ей.

Крошка Си уже поднялась на невысокий холм за оврагом, с него хорошо была видна степь, в которой ходили, позвякивая колокольчиками, четыре их лошади и ослик. Крошка Си села прямо на землю. Мия догнала ее, сказала неловко:

– Арс сказал идти с тобой.

Крошка Си улыбнулась, и Мия села рядом. Холм был теплый, пахло чем-то незнакомым, уютным.

– Это скошенная трава, – сказала Крошка Си. – Здорово, да?

Мия не поняла, о чем она (ну не могла же она в этот момент тоже думать о вкусном запахе), но кивнула. Дома у них не косили траву, ее всю сжигало жаркое южное солнце.

– Столько звезд, – сказала Крошка Си. Ее профиль мягко белел в темноте.

Ночью бог накидывает на небо темно-синий платок. Платок этот так стар, что в нем полно маленьких дырочек, сквозь которые проглядывает дневной свет. Иногда бог штопает свой платок, но он такой старый, что быстро рвется опять.

Мия чувствовала, что должна что-то сказать, но не знала что, вот и вспоминала старые бабушкины сказки. Крошка Си была первой девочкой, кроме сестер, с которой она сидела и разговаривала просто так, не по делу.

– Кто такая Маттеа? – спросила она.

– Кто? – удивилась Крошка Си.

– Рич пел сегодня... «Маттеа, детка, боже мой, дождись меня, дождись», – напела Мия.

– А! – хихикнула Крошка Си. – Да ну, просто песня. У тебя хорошая память.

Мия покраснела.

– Смотри! Это созвездие называется Стрелок, красивое, да?

Мия видела только рассыпанные звезды, как будто из лукошка высыпались на темный стол осенние яблоки, они не складывались в рисунки созвездий. Дик как-то пробовал научить ее ориентироваться по звездам, но у Мии было так много домашних дел и забот, что казалось, голова полна ими, как большой базар – людьми, и ни на что другое там не осталось места.

– А вот это похоже на морского конька, – сказала она, показывая на россыпь мелких звездочек прямо у них над головой.

Крошка Си покосилась на нее недоверчиво.

– Ты видишь его? Морского конька?

– Д-да... я не знаю, может, оно не так называется, просто похоже на конька...

Мия тут же пожалела, что ляпнула такую чушь.

– Мы тоже называем его морским коньком. А вообще, по-научному, оно называется Меч Сатурука.

– Ты училась в школе?

– Немного. Давно. Меня Арс всему научил. Какая школа, если ты все время в дороге!

– А я все время сидела дома, – вздохнула Мия. – И тоже было не до школы.

– Скучаешь?

– Нет пока.

Она и правда еще не скучала. Но ей хотелось помыться. Она вспомнила вдруг очень отчетливо свой голубой таз, в котором умывалась всегда, и как ковшик звонко стучается о его дно, когда черпаешь воду. А еще хотелось посмотреть на рассвете на море. И прижаться к маме. Хоть ненадолго. Они обычно успевали обняться утром, когда уже проводили мужчин в море, а девочки еще не встали.

Крошка Си больше ничего не сказала. Мия ждала, что вот она скажет: «Спасибо, что согласилась нам помочь» или, на-

пример: «Ты такая смелая, сбежала из дома!». Но она молчала, смотрела в небо, почти сливаясь с его темнотой, потому что была одета в черную длинную юбку и черную куртку. Только светлые, чуть рыжеватые волосы светились, и казалось, они подсвечивают лицо. А потом Арс позвал их ужинать: хлеб, яйца и листья свежей капусты. Уснула Мия с каким-то странным чувством – чувством степного простора и тихого дыхания Крошки Си у самой своей щеки.

Когда-то давным-давно, когда море было всего лишь слезой в глазу бога Лара, жили в этих местах три брата: Вайко, Куна и Хотта. Вайко был удачливым охотником, ловким и сильным, Куна славился отвагой и был искусным воином, а Хотта имел доброе сердце и веселый нрав. Братья были очень дружны. Вместе они жили, вместе охотились, вместе ловили рыбу, вместе учились разным наукам... И вместе влюбились однажды в одну девушку, прекрасную Алекту. Алекта была хороша, как теплое майское утро. Ясная, светлая, с солнечной улыбкой, она была отрадой своему отцу, суровому наместнику Борну. Да и все люди приморских земель любили ее.

Вайко встретил Алекту, когда возвращался с охоты. Он нес на могучих плечах огромного вепря, и Алекта рассыпала от удивления цветы, которые только что собрала на лугу: она никогда не видела такого силача.

Куна встретил Алекту, когда пробирался козьей тропкой на вершину скалы, с которой было видно далеко-далеко. Ку-

на был дозорным, он караулил степь, из которой приходили полчища врагов, и предупреждал наместника Борна. Козья тропка, по которой шел Куна, была такая узкая и тянулась вдоль пропасти такой глубокой, что камни, падая в нее, рассыпались в песок, не успевая достигнуть дна. Алекта с восторгом смотрела на Куну – впервые видела она такого храбреца.

Хотта встретил Алекту, когда спасал упавшего из гнезда птенчика. Нежно положив трепыхавшуюся птишку в подол рубахи и зажав ее края в зубах, он полез на дерево. Родители птенца накинулись на Хотту, стали клевать его и бить крыльями, думая, что он хочет разорить их гнездо, но Хотта все равно долез, выпустил птенца и спрыгнул на землю. Алекта, собиравшая с подругой на полянке ягоды, улыбнулась ему и сказала:

– Ты очень добрый.

Все три брата влюбились в Алекту без памяти и в один и тот же день посватались к ней. Суровый Борн любил свою дочь, а потому позвал ее и сказал:

– Три брата сватаются к тебе: сильный Вайко, отважный Куна и добрый Хотта. Все они мне по нраву. Кого выберешь ты?

Запечалилась Алекта: кого бы она ни выбрала, это рассорит дружных братьев, и как им жить потом во вражде? Пошла она за советом к одной старушке, что жила в лесной глуши и целыми днями пряла на своей резной прялке. Говори-

ли, что мудрее ее нет никого на свете.

– Слушай свое сердце, деточка, – сказала ей старая лесная пряха, не отрываясь от работы, – только оно скажет правду, не обманет.

Но сердце Алекты молчало. Все три брата нравились ей, каждый по-своему, и не могла она выбрать. А братья торопили с ответом, и отец устал ждать. Снова пошла Алекта к старушке, что пряла на своей прялке.

– Я помогу тебе, – сказала та, – я спряду тонкую нить, а ты разрежь ее на четыре части, одну повяжи себе на запястье, а остальные три – братьям, что хотят тебя в жены. С кем в один цвет с твоим окрасится нитка, тот и судьба твоя.

Все было сделано по слову ее, но только повязала нити Алекта, как все четыре почернели и рассыпались в прах.

– У всех вас другая судьба, – сказала тогда лесная пряха, и больше никто не услышал от нее ни слова.

Не прошло и трех рассветов, как напала на приморские земли орда невиданных чудищ. Они жгли города и леса, убивали и мучили, они сыпались с неба, выползали из рек и озер, поднимались из-под земли. Стал собирать Борн свой народ, чтобы защитить земли от чудищ, но никто не пришел на зов, страшно стало, даже войско разбежалось кто куда, каждый думал, как бы самому спастись, убежать, спрятаться. А где же наши герои, где три дружных брата? Вместе бросились спасать они любимую свою, Алекту. Но оттолкнула она всех троих и крикнула в гнев:

– Как смеее вы бояться и прятаться? Как смеее вы предлагать мне бежать, если отец мой бьется на поле один против целого войска чудовищ? Расползлись по норам, рты землею заткнули, мечи да луки попрятали! Не хочу быть вам ни женою, ни сестрою, буду отцу своему ратной помощницей!

Подхватила Алекта меч, оседлала коня и помчалась к отцу на помощь, в самую гущу сражения. Стыдно стало Вайко, Куне и Хотте, бросились они следом, много чудищ перебили, земли все от них очистили, города спасли. Только сами все легли на поле брани: и красавица Алекта, и три брата, любившие ее и победившие через любовь свою слабость. Старая пряха пришла из леса и связала их запястья одною нитью, и была та нить золотою, словно солнечный свет. И бог Лар плакал над их могилами. И слезы его стали морем, и выросли на берегу того моря четыре города: Вайколар, Куналар, Хотталар и Алекта.

– Красивая история, – задумчиво сказала Крошка Си. – Интересно, кто была эта старуха, что спряла нить Алекты?

Мия пожала плечами. Странно, что Крошке Си стало интересно именно это. История-то совсем не про пряху.

В Алекте они не стали задерживаться. Арс сказал, что Алекта – город искусств, здесь свой театр на каждом шагу, публика избалованная и очень взыскательная. Вряд ли они тут смогут заработать, тем более без лицензии. Мия не очень понимала, о чем он говорит, но город ей понравился.

Он был тихий, зеленый, весь какой-то ухоженный. Фонтаны, скульптуры, мостики и арки, необычные дома, будто улицы соревновались друг с другом, кто сможет сильнее впечатлить приезжую девочку. Но Мию больше всего впечатлили люди. Красивые дамы в широкополых шляпах, узких платьях и перчатках, изящные кавалеры в светлых костюмах, дети, все умытые, причесанные и нарядные, будто только что сошли с открыток... Маме бы они понравились. Арс отпустил их с Крошкой Си погулять по центральной площади, но Крошка Си увидела по дороге ярмарку меда и попросила Мию подождать ее на скамейке в сквере. Мия никогда не видела ярмарку меда, но постеснялась навязываться. Она сидела на скамейке, болтала ногами в новых башмаках и смотрела по сторонам.

– Эверин? – услышала она за спиной.

Мия резко обернулась. На нее тарасился (и она не могла подобрать более подходящего слова) сухонький старичок, такой древний, что непонятно было, как он еще ходит.

– Простите? – переспросила Мия.

Конечно, ее зовут совсем не Эверин, но старичок так смотрел на нее, как будто точно знал, к кому обращается.

– Нет, конечно же, нет... – пробормотал он. – Простите меня... Вдруг показалось, что вы Эверин. Так глупо!

– Я похожа на вашу знакомую?

– Да, милое дитя... на прекрасную Эверин Току. Впрочем, Эверин давно умерла. Наверное, я до сих пор тоскую

по ней, вот и сорвалось с языка. Но у меня есть оправдание – ты и правда очень на нее похожа. Случаются же такие совпадения. Как тебя зовут?

– Мия. Мия Гаррэт.

– Славное имя. А я Джозеф Март, и ты можешь в любой момент обратиться ко мне за помощью, дитя мое.

– За помощью?

– О, я не имею в виду, что она нужна тебе прямо сейчас! Но мало ли что случится в жизни!

Он чуть наклонился к ней и сказал тихо, но значительно:

– Я большая шишка, мое имя открывает в этом городе любые двери.

Старичок приподнял цилиндр, прощаясь, и ушел, оставив Мию улыбаться на скамейке. Она сама не понимала, почему улыбается. Просто светило солнце, вокруг гуляли красивые беззаботные люди, и было весело думать, что она похожа на прекрасную Эверин Току, которую немислимо старый Джозеф-Март-большая-шишка помнит, хотя она давно умерла.

Мия посидела на скамейке еще немного, а потом двинулась в тот проулок, куда ушла Крошка Си. Почему она должна ждать ее и скучать, когда ей тоже хочется посмотреть на ярмарку меда? Это, наверное, так интересно!

Проулок вывел ее на маленькую четырехугольную площадь, сплошь заставленную разноцветными тележками, шатрами и палатками. Людей было так много, что Мия застыла в нерешительности. Как пробираться сквозь эту тол-

пу?

– Мия! – окликнули ее.

У одного прилавка стояла Крошка Си и облизывала деревянную ложку. Мия протолкалась к ней.

– Любишь мед?

– Не знаю. Я никогда не пробовала.

– Правда? – У Крошки Си загорелись глаза: ух, сейчас она откроет Мии целую вселенную! – Пойдем! Будем пробовать всё подряд!

Когда они вернулись к кибиткам, был уже вечер. В сквере неподалеку играл скрипач и какая-то девушка пела очень нежно, но слов было не разобрать. Мию тянуло в сон. Она казалась себе желтой, тягучей и сладкой от меда.

– Хороший город, – сказала Крошка Си, когда они устраивались на ночлег. – Жалко, что мы так скоро уезжаем.

– Завтра?

– Завтра.

Мия подумала и все же спросила:

– Си... ты не знаешь, кто такая Эверин Току?

– Эверин Току? Нет, ни разу не слышала, а кто это?

Мия рассказала про старичка в цилиндре. Крошка Си пожала плечами:

– Бывает. Не бери в голову.

И может, Мия так и сделала бы, но когда перед сном она заглянула в книгу, то увидела новую строчку:

«Эверин Току не очень-то любила мед».

Контакора

Они тронулись в путь, когда Мия еще спала. Алектору окружали холмы, растекшиеся на горизонте в степь, и по этой степи они ехали весь день. Им не было скучно. Рич всю дорогу рассказывал об их прошлых странствиях; эти истории были и смешные, и страшные, и по реакции Крошки Си Мия понимала, что половину он выдумывает. Потом он учил Мию жонглировать, но у нее получалось плохо, и оставалось только с завистью смотреть, как ловко Рич это делает. Он вообще был кладезем полезных умений и знаний. Увидев у Мии в узелке веревку, он сказал:

– Какой смысл держать веревку в узелке? В самый нужный момент у тебя не окажется его под рукой. Поэтому лучше сделать вот так.

Он поставил Мию перед собой и обвязал ей веревку вокруг талии, как пояс. От его рук было щекотно.

– Вот, так надежнее, поверь опытному путешественнику.

И Мия поверила. И не снимала тонкую веревку даже ночью. Сначала было неудобно, но скоро она привыкла и перестала ее замечать.

Они разглядывали книжку, пытаясь разгадать ее секрет, смотрели на дорогу, убегаящую вдаль, пили горячий шоколад, жевали печенье из бабушкиной коробки и оладьи, которые Лу и Лота испекли на привале. У печенья был ка-

кой-то особенный вкус. Жестяную коробку Мия не решилась выбросить, спрятала обратно в свой узелок. К вечеру она вспомнила о доме, и стало тревожно и стыдно, но она постаралась поскорее заснуть. Утром они планировали добраться до Контакоры.

Контакора была самым старым городом Объединенного королевства. Когда-то тут жили короли и королевы Илонасты, плодородной равнины, по которой текла полноводная река Илонаста, берущая начало в священном озере Тун. Но после войны за единство все земли от Закатных гор до Дальнего моря и от океана Лар до озера Тун вошли в Объединенное королевство. Старые короли пали, все земли Илонасты стали провинцией, а Контакора потихоньку потеряла прежнее величие. Но дома, сложенные из векового камня, были по-прежнему крепки, земли вокруг плодородны, а горожане пребывали в уверенности, что живут в лучшем месте Ларового мира. Улицы были выложены лучшей брусчаткой королевства, а крыши крыты лучшей черепицей. Множество лавочек, трактиров, гостиниц радовали путешественников. Их в Контакору приезжало немало, ведь кому не хочется прикоснуться к истории, а ею тут дышал каждый камень.

Все это Мия знала от Санди – брат любил географию и историю и часто пересказывал ей учебники, по которым учился в школе, особенно когда нужно было заниматься каким-нибудь нудным делом: распутывать сети или лущить фасоль.

Мия удивилась, как внимательно слушали ее рассказ

о Контакоре Крошка Си и Рич. Она думала, они знают все города, они же агибы! А оказалось, они ни разу здесь не были.

– Да мы и не слышали о ней ни разу, – ляпнул Рич, и Крошка Си так на него посмотрела, что Мия задумалась.

Жить в Объединенном королевстве и не слышать о Контакоре? Они что, глухие? Даже Мия, которая до тринадцати лет ни разу не покидала свой Маячный мыс, и то столько всего про нее знает! Да все, все знают об этом городе, это же Контакора!

– Не, ну не то чтобы не слышали... – протянул Рич. – На самом деле мы просто об этом не говорим. Мы-то с Крошкой Си давно мечтали тут побывать, но вот папа... он почему-то ее не любит. Я думаю, тут какая-то старая история, а, Си?

Но Арс, напротив, выглядел довольным. Мия решила пока не думать обо всем этом, слишком уж странно вели себя иногда Крошка Си и Рич. «Может, я просто мало что знаю про агибов, только всякие глупые сказки! Не верить же сказкам...» – думала Мия, но сказки так и лезли ей в голову, она перебирала их, как четки, и ни в одной не находила даже отсвета настоящей жизни агибов. Обычная была у них жизнь, и даже гораздо проще и легче Мииной жизни дома. Можно спать сколько хочешь, можно хоть целый день совсем ничего не делать, только болтать с Крошкой Си, дурачиться с Ричем да играть с собаками.

Степь перетекла в дорогу, дорога – в улицу, и сонная Кон-

такора впустила бродячих артистов в свои кварталы. Никаких крепостных ворот, никаких стражников и охраны. Мия спала и не слышала, как Арс сказал, потирая озябшие от ветра руки:

– Люблю такие города.

Но Мии здесь не понравилось. Пронзительный, как визг младенца, ветер вдавил ее обратно в кибитку, стоило лишь высунуть нос. Ветер цеплялся за углы домов, царапал стены, стискивал крыши. Дома любой ветер был приправлен запахом моря: водорослей, соли, мокрого песка. Дома при таком ветре море встает на дыбы. Дома в такой ветер отец зажигает маяк раньше обычного, а мама поет свои песни громче, будто хочет успокоить ими само море.

Они остановились на центральной площади. Она была круглая, просторная. Арс сказал, что здесь будет хорошо давать представления.

– Если наместник позволит, – мрачно отозвалась Лота.

Мия заметила, что Лу и Лота о чем-то шепчутся, о чем-то спорят. Что они замолкают, стоит кому-то приблизиться, будто затевают недоброе. Но кто знает, может, они всегда себя так ведут? Мии они не нравились, хоть и были красивые. Си смотрела на теток с усмешкой.

Разрешение на представление Арс получил очень быстро, и тут же на главной площади закипела работа. Арс и Рич застучали топорами и молотками, сбивая подмости, Лу и Лота доставали из сундука костюмы, перетряхивали, сушили,

подшивали и подкрашивали их специальными красками. У одной из кибиток откидывался тент, превращаясь в задник для сцены. Крошка Си носилась по всему городу, расклеивая яркие афиши, знакомясь попутно со всеми лавочниками, молочниками, цветочницами, зеленщиками и кондитерами. Только Мия слонялась без дела. Она хотела сказать Арсу, что умеет работать молотком, но Рич весело крикнул:

– Не лезь под руку!

Лу и Лоты она боялась и даже подходить не стала. Крошка Си убежала быстро и не позвала с собой. Мии было грустно. Она обняла ослика, которого никак не звали, и подумала, что дома в это время собирала бы на стол, и Лиза помогала бы ей, а Миса мешала. Интересно, много ли придет народу, будут ли смеяться над шутками Арса, ахать, глядя на трюки Рича, восхищаться Крошкой Си. Мия дала ослику сухарик, подумала, что надо бы придумать ему имя.

– Пойду посмотрю город, – сказала Мия ослику, потрепав его между ушами.

Ей было немножко страшно отходить от повозок, но сидеть и ничего не делать очень уж скучно.

Город разворачивался перед ней, как тяжелый, пыльный ковер. Пестрели лавочки, темнели узкие улочки, переулки кривились и кривлялись. Мия шла, стараясь запоминать дорогу. Она смотрела по сторонам, и ее толкали прохожие, когда она налетала на них, подол платья и новенькие башмаки очень скоро стали грязными. Вдруг кто-то схватил ее за руку.

Мия вздрогнула от неожиданности и подняла глаза. Перед ней стояла старуха в темно-серой добротной накидке, сколотой у горла богатой брошью в форме веретена. У старухи были костлявые руки, а пальцы похожи на веревку со множеством узелков. Она вцепилась Мии в запястье и прохрипела.

– Погоди, вот они завезут тебя на край мира, на край жизни! Погоди, узнаешь, где кончаются дороги! Погоди!

– Что вам надо? – выпалила Мия, пытаясь вырваться, но старуха держала так крепко, что Мия вскрикнула от боли. – Пустите!

– Я-то пушу, я пушу, а вот книга не отпустит! Погоди, проглотит тебя, как червяка, дохлого червяка!

Перед ней стояла старуха в темно-серой добротной накидке,

Она оттолкнула Мию и заковыляла дальше как ни в чем не бывало. Мия в ужасе смотрела ей вслед. Сначала она не поняла всех старухиных слов, она старалась только вырваться, но сейчас смысл их стал доходить до нее. «Завезут на край мира...», «где кончаются дороги», «книга не отпустит, проглотит...».

– Подождите! – крикнула Мия и бросилась вслед за старухой. Она догнала ее у перекрестка, схватила за руку и сразу отшатнулась. Из-под капюшона на нее смотрело совсем другое лицо. Пухлая, как сдобная булочка, румяная старушка улыбалась приветливо, ласково.

– Что тебе, деточка?

– Н-нет... ничего. Я обозналась. Извините.

В сумерках зажглись фонари. Лота пела, Лу танцевала, Рич ходил по канату, а Крошка Си и ее собаки разыграли целый спектакль. Толпа хохотала, гудела и щедро сыпала в ящик у сцены монеты. И какой-то усач бросил розу к ногам Лоты, а та подхватила и покраснела, кинув стремительный взгляд на Арса, но тот не заметил. Мия сидела за задником, все видела. В голове бродило одно-единственное слово: «Погоди! Погоди!»

Уже перед сном, погасив огни на сцене и накормив ослика, Мия раскрыла книгу. Раньше она звала в дорогу, теперь – связывала ее с домом. В этот вечер ей было одиноко и очень хотелось вернуться. Строчки мелькали при неровном свете

свечи, Мия и не пыталась разобрать этот чужой язык. Но вдруг – как зеленая проплешина луга среди темного леса: «...узнаешь, где кончаются дороги!». Мия захлопнула книгу. Что она наделала? Зачем убежала с этими агибами? Почему доверилась им? И что это была за старуха? Что она знает о них, о ней?

– Ты чего не спишь? Устала? – спросила вдруг Крошка Си, хотя Мия думала, что та видит уже десятый сон.

– Нет, нет... я уже...

Мия задула свечу.

Ветреная Контакора любила артистов – они давали представления каждый вечер, а народ все приходил и приходил. Мия по-прежнему бездельничала, но отходить далеко от площади уже не решалась. Она кормила собак, лошадей и ослика. Мия тоже хотела заниматься чем-нибудь интересным, как Рич или Крошка Си. Но что она умеет? Только видеть слова в странной, будто заколдованной книге.

С каждым днем Мия узнавала все больше об этом мире, этом городе и о людях, которые были рядом. Она видела, что Арс украдкой ковыряет в носу, а Рич любит повертеться перед зеркалом. Она замечала, что Лу в чем-то убеждает Лоту, а та часто встает по утрам с таким лицом, будто не спала всю ночь. Она чувствовала какую-то болезненную привязанность к Крошке Си и очень обижалась, если та забывала позвать ее с собой, уходя в город. Но никогда Мия не показывала этого.

После встречи со старухой Мия боялась гулять одна. Ей было здесь неуютно и хотелось поскорее уехать. Она даже подумала: может, обмануть Арса, сказать, что прочитала в книге, будто пора ехать? Она придумала фразу, которую будто бы перевела ей книга, и перед ужином собиралась сказать ее Арсу и остальным. Она развернула Лизин платок, в который была завернута книга, и по привычке на секунду уткнулась в него лицом. Запах дома и сестренкиных волос был все глуше, все тише. Мия с горечью подумала, что скоро он исчезнет совсем. Она взяла книгу и вышла из кибитки к костру, где уже сидели Арс и Крошка Си. Она была готова разыграть свой маленький спектакль, но вдруг Сильвер сорвался с крыши кибитки и бросился на нее. Он завис перед ее лицом и что-то кричал, шипел и клекотал так яростно, что Мия заслонила от него книгой.

– Сильвер! – вскочил Арс. – С ума сошел! Кыш!

Вдвоем с Крошкой Си они еле отогнали его, на шум прибежали Рич и Лу с Лотой. Все слова вылетели у Мии из головы, а еще она почувствовала, что книга стала вдруг очень тяжелой, и Мия опустила ее на землю.

– Ты в порядке? – встревожился Арс, а Крошка Си смотрела так внимательно, что Мия подумала, что она догадалась.

И Мия так испугалась, что выпалила совсем не то, что хотела:

– Арс, вы сказали, что всего неделя... что это займет всего

неделю!

Арс переглянулся с Крошкой Си и Ричем, потом положил руку на плечо Мии и сказал:

– Я слукавил, Мия. На самом деле у меня была всего лишь слабая надежда, что это займет неделю.

– Сколько же на самом деле?

– Я не знаю.

Они помолчали. Мия растерялась. Она не знала, что еще сказать.

– Тебе плохо у нас? – спросил Арс.

– Нет, но...

– Знаешь, мы можем отправить твоим родителям письмо, здесь есть такая служба. Чтобы они не волновались.

Два белых кролика и один котенок

Это была отличная идея! Наутро вместе с Арсом они пошли в контору по найму дилижансов «Открытая дорога», выбрали на специальной стойке красивую открытку. На ней была Контакора, вид с холма. На рисунке она была даже красивее, чем на самом деле.

– Садись вот тут, пиши, а я пока оплачу доставку.

Арс отошел к окошку кассы, заговорил о чем-то с высоким человеком, видимо, объяснял, куда везти письмо.

Но оказалось, что написать родителям не так-то просто. Что сказать и как объяснить свое бегство? И с чего начать?

– Напиши, что у тебя все хорошо! Чтобы они не волновались! – подсказал от стойки Арс.

«У меня все хорошо», – написала Мия и тут же увидела, как глупо это выглядит. Она обмакнула перо в чернила и приписала сверху: *«Здравствуйте, мои дорогие»*. Места на обороте открытки не так уж много, надо хорошо подумать, прежде чем писать. *«Мне очень нравится путешествовать, и меня никто не обижает»*. Да, звучит так, будто дома ее обижали. *«Простите, что я ушла. Но я скоро вернусь»*. Письмо получалось все глупее с каждой строчкой. Поэтому она дописала побыстрее: *«Передайте мой привет бабушке. Целую вас всех, Мия»*. Арс протянул ей конверт из плотной коричневой бумаги и помог написать адрес.

– Пойдем, Мия, – потянул ее к выходу Арс, отдав письмо высокому человеку. – Не волнуйся, завтра дилижанс поедет в Хотталар и отвезет твое письмо.

На улице Арс сказал:

– Найдешь дорогу назад? Мне надо забежать в одно место тут...

Мия кивнула. Ближайшие к площади кварталы она давно изучила. Она шла и думала, что ей бы тоже хотелось получить весточку из дома, узнать, как там дела, не сильно ли родители сердятся на нее, все ли здоровы. Конечно, она совсем скоро вернется... Ох и взбучка ждет ее! Но, может быть, бабушка заступится...

– Давай! Бей его, сильнее бей!

– Он мне все руки исцарапал!

– Ну еще бы! Да сожми ему шею!

Мия услышала, как отчаянный кошачий вопль перешел в шипение. Трое мальчишек стояли на углу и подзуживали четвертого. А тот, схватив котенка за шиворот, ударил его о стену дома.

– Перестаньте! – закричала Мия.

Она растолкала мальчишек и вцепилась в руку тому, кто держал котенка.

– Ай! Бешеная!

– Отпусти котенка!

– Котенка! – фыркнул один из них. – Это тулукт, ты ослепла, что ли?

Мия не знала, кто такие тулукты, да и все равно, кто бы ни были, котенок отчаянно рвался на свободу. Мия надавила мальчишке на запястье, она всегда так делала с Мисой, когда та упрямилась и не хотела что-то отдавать. Кулак разжался, котенок упал на мостовую и бросился наутек.

– Бей ее! Она ведьма! – заорали мальчишки, и кто-то уже ударил ее по плечу.

Мия побежала прочь. Мальчишки не стали ее преследовать, только улюлюкали вслед, кричали:

– Ведьма! Ведьма! Проваливай со своим тулуктом!

Мия остановилась. Она ухватила за угол дома, отдышалась. Так бегать ей еще никогда не приходилось.

– Мр-яу!

Около ее ног сидел тот самый котенок. Смотрел на Мию темными, не кошачьими глазами. Большие острые уши с кисточками на концах, вытянутая морда, короткая темно-рыжая шерсть. И черная полоса на носу. А хвост короткий, как у рыси, которую Мия видела на картинках в бабушкиной энциклопедии Ничьих земель. Мия присела перед ним, боясь спугнуть. Что там кричали мальчишки? Тулукт? Надо спросить у Крошки Си, кто это. Но Мия и сама видит теперь, что это не обычный котенок.

– Как ты меня догнал? Уф...

Вдруг котенок рывком забросил себя Мии на плечо. Она взвизгнула, так это было неожиданно. А он уже улегся, как воротник, спрятался под волосами и замурлыкал. Музыкаль-

нее любой кошки.

Когда она дошла до кибиток, Арс уже был там. Сидел на сцене, что-то шил. Рядом примостилась Крошка Си, она разглядывала карту Контакоры и что-то отмечала там карандашом. Улыбнулась подошедшей Мии. Мия подумала: а разрешит ли Арс оставить котенка, вырванного с боем у мальчишек? Может, не надо было его брать с собой?

– Посмотрите, кто у меня тут... Мальчишки хотели его убить.

Арс и Крошка Си переглянулись, и Крошка Си сказала:

– Чудесный котенок... Но ведь их невозможно выдрессировать, что он будет делать у нас? И насколько я знаю, их вообще нельзя приручить, он все равно сбежит.

Мия обиделась. Она постаралась не показать этого, но было ужасно несправедливо, что именно Крошка Си так сказала. Так... мимоходом, будто о самом незначительном пустяке! А темноглазый котенок жался к ее шее, урчал и то и дело тыкался влажным носом ей в ухо. Мия выдавила:

– Его там чуть не убили... мальчишки... Я не могу его бросить. А кто такие тулукты?

Крошка Си посмотрела внимательно, вздохнула.

– Ну вот, у тебя на шее – тулукт. Это такие лесные кошки. Дикие. Жители Контакоры уверены, что каждый тулукт – это обернувшаяся кошкой ведьма. Не жди, что кто-то угостит его тут молоком. Впрочем, молоко они не едят, что тоже странно для кошек, сама понимаешь.

– А что они едят?

– Да никто не знает, дома-то их не держат. Он сам прокормится, ты, главное, его в клетку не запирай.

И она улыбнулась, принимая тулукта в компанию. Обида Мии сразу прошла, она не умела долго сердиться на Крошку Си.

На следующий день Арс ушел рано утром в город, а когда вернулся, карман его куртки напоминал живот Мииной мамы, когда та была беременна слишком уж резвой Тиной. Карман топорщился и копошился.

– Что это? – весело удивилась Крошка Си.

Арс улыбнулся и вытащил из кармана двух белых кроликов. Протянул Мии.

– Это будет твой номер. Пора тебе заняться делом.

– Мой номер?

Тулукт, который опять сидел у Мии на плече, выгнул спину. Мия попятилась и сняла тулукта с плеча, прижала к себе. Почему именно сейчас понадобились эти кролики? Они хотят, чтобы она бросила своего котенка? Который сам ее выбрал? Спит у нее в ногах, прыгает ей на плечи с земли и разрешает гладить себя только ей, Мии! Никогда в жизни у нее не было никого, кто принадлежал только ей.

– Давай научим их прыгать через веревочку и танцевать! – сказал Арс.

Но Мии все это не понравилось. Сколько времени понадобится, чтобы выдрессировать кроликов? Месяц? Она долж-

на жить здесь с ними еще месяц?

– Арс... вы говорили, что вам срочно надо попасть в закрытый город Рионелу. Почему же мы так долго сидим здесь, в Контакоре? Зачем мне кролики?

Арс устало опустил на ступеньку подмостков. Покрутил ус. Погладил кроликов.

– Ты права, Мия, ты права. Но куда ехать? Книга молчит.

– Может, она потому и молчит, что мы стоим на месте? Помните, слова начали переводиться в дороге! Может, книге нужна дорога?

Про строчки, появившиеся в книге после встречи со страшной старухой, Мия решила не говорить никому.

– Я не согласна! – сказала Крошка Си. Она неслышно подошла и встала рядом. – Нет никаких примет, что нам пора в путь. Ни одной!

Крошка Си часто уходила из кибитки на рассвете. Мия просыпалась от ее сборов, но никогда не окликала. Она понимала, что Крошка Си что-то ищет в Контакоре, но не может найти. Каждый раз, когда она возвращалась со своих одиноких прогулок, Арс смотрел на нее очень внимательно, а она отрицательно качала головой. И Арс, и Рич еле заметно вздыхали.

– Ты кого-то ищешь здесь? – спросила как-то Мия.

– Ищу? – удивилась Крошка Си. – Нет, с чего ты взяла?

И больше ничего не сказала. Но Мии показалось, что Крошка Си стала внимательнее к ней, чаще брала с собой в

лавку или на рынок, старалась побольше разговаривать и за обедом всегда садилась рядом.

Арс посмотрел на Крошку Си, опять погладил кроликов и сказал:

– Доверимся нашему проводнику, Си. Будем собираться в дорогу.

– Но, Арс!

– Доверимся. Иначе какой смысл...

И он велел Ричу, Лу и Лоте собирать вещи.

– Почему так быстро? – вскинула брови Лота. – Мы можем остаться здесь до самой зимы! Мы можем даже перезимовать здесь!

– Город щедрый, и здешние власти любят артистов, – поддержала сестру Лу.

– Мы поедем на север, в Борн, – сказал Арс, будто не слыша их.

– Почему туда? – спросил Рич.

– Потому что там мы еще не были.

– Мы не были в Срединной долине и в столице...

– Но сейчас мы едем в Борн, – мрачно остановил его Арс.

– Я не еду, – сдавленным, не своим голосом сказала Лота. – Я выхожу замуж.

– Что?

– Я выхожу замуж, Арс, – повторила Лота, потупившись.

– А я остаюсь с ней, – сказала Лу с вызовом.

Арс и Рич переглянулись так, словно им дали под дых. И

что-то еще было в их взгляде, что-то очень похожее на панику. Будто они тщательно спланировали, учли все мелочи, как это бывает, когда готовишь важное представление, и вдруг что-то пошло не так. Причем это «не так» было слишком странное, ну, как если бы Крошка Си вдруг разучилась говорить. А Мия подумала: «Лу и Лота устали от дорог, устали искать. Они хотят жить своей жизнью. Но почему Арс этого не понимает? Я вот понимаю».

– Вы нас бросаете? – будто бы удивился Арс.

– Да, – сказала Лота каким-то не своим, стеклянным голосом.

– У нас своя дорога, – добавила Лу. Лицо у нее было такое, будто она хотела сказать: «И попробуй только остановить нас, я глаза тебе выцарапаю».

– Что ж... – медленно проговорил Арс. – С этим не поспоришь.

– Арс! – воскликнул Рич.

– Молчи! – приказал Арс. Он будто боролся с чем-то внутри себя. – Молчи. Мы ничего не можем тут сделать. Надо найти другой способ.

Это была совсем странная фраза, но ни Лота, ни Лу не обратили на нее никакого внимания. С этой минуты они стали похожи на больших заводных кукол. Механически встали, ушли в свою кибитку, шуршали там одеждой, гремели посудой. Вышли с одинаковыми дорожными сундучками в руках.

– Вас проводить? – язвительно спросил Рич.

И они одинаково молча кивнули. Больше всего Мию поразило, что они не попрощались с Крошкой Си и не обняли Арса. Ну ладно Арс, они вроде как делали ему назло сейчас, но Крошка Си! Она же их племянница! Неизвестно, когда они еще увидятся! Рич не взял у Лоты и Лу сундучки, просто шел следом. Вдруг он обернулся и странно посмотрел на Мию. А потом на Арса – и покачал головой. Мии опять стало не по себе. Она поклялась, что не будет сегодня заглядывать в книгу.

Через Тимьянову пустошь

Борн оказался таким маленьким и невзрачным, что Мия удивилась: зачем сюда было Арсу? Конечно, не для того, чтобы давать представления! Плоский, скучный, серый город. Ни красивых пейзажей, ни старинных зданий. Даже люди здесь были хмурые и будто все на одно лицо. На представления, которые «Театр дядюшки Арса» давал на пустыре на окраине, потому что в Борне даже не было центральной площади, приходило не больше десятка горожан, и никто не смеялся над шутками, а про аплодисменты эти люди и вовсе, кажется, не слышали. Но Арс не спешил уезжать. Мия понимала, что они не знают, куда ехать, они ищут дорогу в неведомую Рионелу, но зачем, зачем им туда? И почему нельзя купить на почте самую подробную карту королевства и посмотреть, как ехать в эту Рионелу? Мия никак не решалась спросить у Арса, а Крошка Си виртуозно уходила от ответа.

По вечерам они болтали с Крошкой Си, и Мия поражалась, насколько они похожи. Они были одного роста и могли носить одну одежду, что и делали. У них был один цвет глаз и одинаково маленький размер ноги. Они любили одни и те же вещи и находили вкусными одни и те же блюда. У Мии никогда не было подруг, а тут она будто нашла свое отражение, только улучшенное: все, что говорила и делала Крошка Си, казалось ей значительным, важным и правиль-

ным. Если Крошка Си уходила в город по каким-то своим делам и не звала с собой, Мия начинала тосковать. Если дурчилась с Ричем, не обращая на нее внимания, Мия злилась и не находила себе места. Но стоило Крошке Си сказать: «Ты волшебная, Мия! У меня никогда не было такого друга, как ты!» – и Мия таяла от счастья.

Они все делали вместе: собирали хворост, мыли посуду, чистили лошадей и ослика, кормили собак. И Мии казалось, что никто не знает ее лучше, чем Крошка Си, а она сама никого не любит так сильно.

Из Борна она отправила родителям еще одно письмо, уже на простой бумаге, без всяких видов города. Да и писать его было легче. Она рассказала, что теперь у нее есть тулукт и Крошка Си. Что мир – ужасно интересный, хоть от нее тут мало пользы, даже кролики, купленные Арсом, разбежались. Она не смогла их поймать, и Арс, узнав об этом, будто состарился на глазах. Наверное, эти кролики очень дорого стоили. Мия ужасно расстроилась и весь день просидела в углу кибитки, держа на коленях своего тулукта.

У тулукта оказался очень независимый характер, его не потискаешь ради удовольствия, с ним не посюсюкаешь. Мия даже имя не могла для него придумать, ни одно не подходило ему. Поэтому она никак его не звала. Это и не нужно было, ведь он всегда был рядом, а разговаривали они только молча. По утрам он будил Мию, толкая лбом ее щеку, а когда она просыпалась, важно садился рядом с подушкой и громко

мурлыкал. После еды терся о ее щиколотки, вечером вспрыгивал на колени и долго лежал там, урча. Только в это время он позволял Мии себя погладить. Мия думала, что теперь у нее появился кто-то маленький и беззащитный, но все чаще ей казалось, что внутренне тулукт старше, умнее и независимее ее на целые века. Взгляд его темных глаз будто говорил: «Ты еще маленькая, моя девочка, совсем маленькая, тебе еще столько предстоит узнать». Так же иногда смотрела на нее и Крошка Си.

Однажды Крошка Си ушла в город без Мии, а Мия пошла следом. Она ничего не могла с собой поделаться, ее тянуло к Си, и было обидно, что между ними есть тайны. Но оказалось, что Крошка Си просто бродит по городу, заходит в магазинчики сладостей (их в Борне было всего два) и в кондитерскую (одну на весь Борн и такую же унылую, как весь город).

Крошка Си вернулась к кибиткам и на молчаливый вопрос Арса покачала головой. Чтобы никто не догадался, что она следила за Крошкой Си, Мия выжидала время, прячась за углом старого, вросшего в землю дома. На одном из его камней был выбит дракон, пышущий пламенем. А внутри, в животе, как будто дракон проглотил его, – морской конек. Мия провела пальцем по линии рисунка. Сколько лет он украшает этот камень в кладке дома? Дом с драконом был заброшен, но раньше здесь, наверное, была конфетная мастерская или лавка – ржавая вывеска в виде конфеты болта-

лась на ветру и скрипела. Мия не заметила, как подошла к ней Крошка Си.

– Надо же, – сказала она. – Дракон. Интересно, кто его тут нарисовал и зачем?

Они долго рассматривали дракона. Вдруг Крошка Си подняла глаза на вывеску. Она схватила Мию за руку. Глаза у нее были испуганные.

– Что с тобой? – испугалась и Мия.

– Нет, нет, ничего, – сказала Крошка Си торопливо.

Но она пошла к Арсу, что-то сказала ему, Арс тут же объявил, что они снимаются и едут дальше на север. Мия вдруг поняла, что хоть она и побаивалась Лу и Лоту, но с ними было как-то веселее. Даже их перепалки с Арсом вносили разнообразие в жизнь, а теперь, когда они остались вчетвером, каждый жил будто сам по себе и чего-то ждал. И Мия в который раз спросила у Крошки Си:

– Объясни мне, что я должна делать? Как мне найти вам дорогу в Рионелу и зачем вам туда? Если ты не знаешь, давай я спрошу у Арса?

– Нет, не надо! Я сама спрошу у него, так будет лучше.

Но если она и спросила, то Мии так ничего и не сказала.

Дороги перепутались в голове у Мии. Она просыпалась под топот копыт и засыпала под него. Рядом всегда была Крошка Си, но ее будто бы и не было. После Борна она так погрузилась в себя, что Мии неловко было отвлекать ее своими как будто бы пустяками.

В книге каждый день появлялись новые абзацы, словно сама дорога переводила их на понятный Мии язык. Это были описания дорог и пейзажей, по которым ехали их повозки. Но даже этим она не решилась делиться с хмуро-сосредоточенной Си, будто и это было пустяком, который не сможет отвлечь ее от более важных мыслей. Крошка Си вдруг стала такой далекой! Целыми днями она сидела и что-то писала, а потом читала написанное в своем блокноте. Она хмыкала и хмурилась, улыбалась и всегда с очень значительным видом захлопывала его, будто хотела, чтобы Мия наконец спросила, что же там, в этом блокноте? Но Мии неловко было спрашивать. Кто она такая, чтобы лезть в дела Крошки Си? Проводник из нее получился никудышный, зря Арс на нее надеялся.

Третий день они ехали на север через Тимьянову пустошь. Серые холмы сменялись желтыми от пожухлой травы полями. Низкое бледное солнце висело в небе, как забытый с ночи пыльный фонарь. Зато луна заполняла собой полнеба и была зловеще-розовой. Собаки выли на нее каждую ночь. С далеких холмов им отвечали тявканьем лисицы.

Мия никогда еще не чувствовала себя такой одинокой. От тоски она листала книгу, гладила ее страницы. И почему-то ей вспоминались выстиранные простыни, которые они с мамой вешали сушиться на ветру во дворе. Она тихонько пела песни, которые раньше пела морю на рассвете. Она скучала по дому.

Однажды, когда они встали на ночевку среди бескрайних и безрадостных холмов Тимьяновой пустоши, она спросила у Крошки Си:

– А где ваша мама?

Крошка Си долго молчала, будто собиралась с мыслями.

– Она... не любит путешествовать.

Мия не знала, что ответить. Не любит путешествовать?

– Ты не скучаешь по ней?

– Очень скучаю! – так пылко сказала Крошка Си, что Мия опять ей поверила.

Она тоже скучала по маме. Но и ее это не удержало дома.

Она теребила в руках ракушечное колечко, подаренное бабушкой перед отъездом. Крошка Си протянула к нему руку.

– Что это?

– Бабушка подарила, когда я заходила к ней попрощаться.

Сказала, что... в общем, просила не потерять.

– Какая чудесная у тебя бабушка, – тепло улыбнулась Крошка Си. – Знала, что дать в дорогу.

Мия удивленно вскинула глаза. Может, в осколке ракушки есть какой-то тайный смысл и она одна его не понимает?

И опять Крошка Си будто слышала ее мысли.

– Там, откуда мы родом, – сказала она, – есть древний обычай: перед дальней дорогой брать с собой горсть земли у порога родного дома. Считается, что это поможет вернуться домой, не потеряться в пути.

Мия пожала плечами. Горсть родной земли – может быть. Но какой прок от разбитой ракушки? К тому же у них нет такого обычая, а ведь тут главное – верить. Да и дорогу домой она давно потеряла среди этих бескрайних степей. Ей казалось, что она и себя уже потеряла.

Вдруг Крошка Си напряженно выпрямилась.

– Ты слышала?

– Нет. Что?

– Мне показалось...

Завыли, залаяли, заскулили собаки, тяжело, страшно захрипели лошади, судорожно завизжал ослик. Мия и Крошка Си переглянулись и бросились к выходу.

Арс, размахивая факелом, освещал небо, по которому скользила огромная черная тень. Пахло дымом. На горизонте вставали рыжие всполохи.

– Что это? – прокричал Рич, выбираясь из их с Арсом кибитки.

– Пустошь горит! Запрягай коней, прячьте собак! К нам летят драконы!

«Драконы?! – Мия почувствовала, как у нее окоченели руки и сжалось горло. – Не бывает драконов. Они только в сказках бывают, в старинных песнях, в книжках...» Она повернулась к Крошке Си.

– Драконы?

Первый раз Мия увидела у Крошки Си растерянное лицо. Та прижимала к груди свой рюкзачок и не могла ничего ска-

зять.

– Си! – закричал Арс. – Спрячьте собак!

Но собаки в ужасе разбежались в разные стороны. Черная тень спикировала на Буля и проглотила его в один миг. Крошка Си завизжала. Арс подбежал к ней, схватил на руки и затолкал в кибитку. Мия рванула было следом, но увидела, что ее тулукт бежит навстречу дракону.

– Стой! Куда ты? – Она бросилась за ним.

– Мия! – закричал Арс.

– Мия! – закричали Рич и Крошка Си.

Но тулукт бежал за драконом, Мия бежала за ним, а дракон, сделав круг над их стоянкой, снова пошел на снижение. Мия увидела совсем близко его огромные янтарные глаза, услышала невыносимый тошнотворный запах, и в ту же секунду тулукт взвился в воздух, вскочил дракону на спину, а дракон, повалив Мию на землю взмахом крыла, подхватил ее когтями и взмыл в небо.

– Мия! – кричали ей.

Сердце у нее почти остановилось от ужаса, но краем глаза она увидела, что к их кибиткам летят со стороны гор еще две черные тени.

Дыхание дракона

Дракон летел к огромным черным скалам на горизонте, как раз туда, где бушевал пожар. Жар горящей пустоши опалил Мии волосы, она заорала, и дракон будто услышал, сразу взял высоту и вскоре опустился у входа в пещеру на верхнем этаже скальной гряды. Он разжал когти, и Мия покати-лась под откос, в глубь пещеры, в темноту и мрак. Дракон помотал головой, скидывая со спины тулукта, и когда ему это удалось, развернулся и хвостом вперед заполз на брюхе в пещеру. Мия вжалась в камень. Задержала дыхание. Дракон повозился, как собака, улегся, вытянув шею, и вскоре за-снул. Мия слышала его мерное дыхание. Она почувствовала, как режет ей руку ракушка, зажатая в кулаке. Все случилось слишком быстро, она даже не успела убрать ее в карман после разговора с Си.

Тулукт, бесшумно раздувая ноздри, подошел к Мии и со-всем по-кошачьи потерся о ее щиколотку. Она чуть не от-толкнула его ногой. Чертов бес! Из-за него она попала в переделку, которая будет стоить ей жизни! Захотелось ему покататься на драконе! Может, и правы те, кто считает ту-луков ведьмами! Тулукт фыркнул насмешливо и обиженно, скрылся во тьме.

– Вернись! – шепотом крикнула Мия. Но даже если он услышал ее, то не подал виду. Она осталась одна. Одна – ря-

дом с огромным спящим драконом.

Мия всхлипнула и продела в кольцо ракушки кожаный шнурок, выдернутый из изодранной когтями дракона, ни на что не годной уже жилетки, повесила на шею. Она наконец поняла, зачем бабушка дала ей именно ее. Эта ракушка была самой простой, самой обыкновенной, из тех, что валяются под ногами сотнями, и мы даже не замечаем их. Но именно поэтому она так остро напоминала о доме. И это напоминание, напоминание обо всем хорошем, что было у нее там, вся любовь ее родных, вся нежность их берега, запахи и звуки родного дома, – все это давало ей силы сейчас. Если бы не ракушка, она бы не смогла подняться на ноги и осталась бы здесь, захлебнувшись страхом, усталостью и отчаянием.

Мия сжала кулон-ракушку в кулаке и осторожно двинулась вперед. Идти на ощупь было страшно. Дракон дышал мерно, длинными вдохами и выдохами. Вдох – три робких шага на цыпочках. Выдох – пять шагов. Выдох почти вдвое длиннее. Мия попыталась подстроиться под драконово дыхание, поймать его ритм. Ей казалось, что, если она сумеет это сделать, ей будет проще не наступить в темноте на его лапу или хвост. Вдох – три шага. Остановка. Выдох – пять. Остановка. Дракон на коротенький миг задерживал дыхание после каждого вдоха, и Мия стала задерживать тоже. Это помогало справиться со страхом, с желанием броситься бежать, бежать, бежать прочь отсюда.

Она обогнула одну лапу. Ракушка нагрелась в ее кулаке,

стала теплой, будто живой. Вдох. Остановка. Выдох. Еще лапа. Что-то хрустнуло под ногой. Но дыхание дракона не дало сбоя.

«Не бежать! Только не бежать! – умоляла себя Мия, представляя, что хрустят под ногами, скорее всего, чьи-то кости. – Побегу – он проснется тут же. Дыши, дыши с ним, Мия!»

Около головы дракона Мия остановилась. Она очень устала. Так, что колени дрожали. Ей казалось, что еще секунда, и она или упадет, или расплчется. Но надо было передохнуть, отдышаться, подумать, куда идти.

И вдруг навалилась тишина. Тишина после выдоха. Дракон открыл глаза, два огромных глаза, каждый – с маячную лампу. Третий глаз его был закрыт, только чуть подрагивали короткие ресницы. Мия задержала дыхание. Дракон шумно вздохнул, повозил хвостом по полу пещеры, будто устраиваясь поудобнее. Потянул носом. Мия судорожно вцепилась в кулон-ракушку. Запах! Вот что выдаст ее, даже если она станет невидимой и неслышной! Надо было извлекаться в грязи, в объедках, которые скопились в пещере! Дракон снова вздохнул и опустил веки. Мия не шевелилась. Вдох. Остановка. Выдох. Она почувствовала, как затекает шея и рука, сжимающая ракушку. Дракон спал. Мия поймала ритм его дыхания и снова двинулась к выходу. Туда, где воздух был свежее. Ей казалось, что она сама, ее кожа, мышцы, кровь, – вся она пропиталась зловонным запахом пещеры. Что-то все

время хрустело под ее ногами, с писком разбегались крысы, но могучее дыхание дракона больше не прерывалось. Стало светлее. Мии казалось, что она идет уже несколько дней. Еще немного. Она уже видит выход, полукруглый свод, за которым – небо, поля, ветер! Ветер в лицо! Мия стояла на краю отвесной скалы у входа в пещеру, а внизу простиралась желто-серая Тимьянова пустошь, зажатая с двух сторон скалами. Края ее чернели от недавнего пожара. Недалеко виднелась зеленая долина.

Там Тимьянова пустошь заканчивалась. Но где теперь Арс и все остальные? И как ей спуститься отсюда? И где ее тулукт? Где эта чертова бестия, из-за которой она тут оказалась, потеряла своих, потеряла книгу, дорогу, все на свете?!
– Мр-рр...

Тулукт стоял на краю обрыва и смотрел на нее черными глазами. Мия заметила вдруг, что он сильно вырос с тех пор, как она спасла его от мальчишек, и вряд ли поместится теперь у нее на плече. Кисточки на ушах отросли, а полоска на носу стала еще темнее.

– Чтоб тебя волки съели, – прошептала Мия, но тулукт так посмотрел на нее, прищулив глаза, что она сказала совсем другим голосом: – Ну зачем было кидаться на дракона?

И тогда тулукт кивнул. Очень определенно кивнул на небольшой камень у входа в пещеру. Мия перевернула его ногой и увидела кожаный мешок. Она подняла его, открыла. Внутри были какие-то истлевшие вещи, может быть, одеж-

да, сейчас уже было не разобрать, деревянная недоделанная фигурка и небольшая толстая книжка с морским коньком на обложке.

– И что? Ради этого я чуть не умерла?

Тонкая козья тропка сделала вниз. У Миш закружилась голова,

Тулукт равнодушно дернул хвостом и спрыгнул с камня. Крайне неразумно вести разговоры рядом со спящим драконом, тут ее тулукт прав. Мия сунула книгу в карман юбки и огляделась. Тонкая козья тропка сбегала вниз. У Мии закружилась голова, и она ухватилась за камень. «Я не спущусь. Я останусь тут навечно», – подумала она устало. Она прислонилась к скале спиной и тут же почувствовала, как веревка, которую Рич намотал ей на пояс, впилась в кожу. Веревка! Мия торопливо стала развязывать ее. Теперь ей казалось, что дракон может проснуться прямо сейчас. Скорее, скорее! Она сделала петлю, как учила ее мама, накинула на валун, подергала и кинула свободный конец вниз. Она заскользила по веревке, чувствуя, как та обжигает ладони, сдирает кожу, но было уже все равно, только бы убраться отсюда поскорее! Веревки хватило как раз до нижней террасы скалы, там стоял тулукт, смотрел на нее внимательно. Мия попыталась сдернуть петлю с камня, но у нее не получилось.

– Ладно, значит, дальше пойду без веревки.

Но тулукт взметнулся наверх, вцепился зубами в узел и мотал головой, пока не развязал его. Веревка скользнула к Мииным ногам, следом спустился тулукт.

– Какой ты умный! – восхитилась Мия и тут же упрекнула: – Почему тебе не хватило ума вообще туда не соваться, а?

Последний Приют

Самое ужасное – это не знать, куда идти. Мия спустилась со скалы, смотала веревку и устало села в жесткую, пропахшую едким дымом пожарища траву Тимьяновой пустоши. Арс, Крошка Си, Рич... где их искать? Смогли ли они спастись? Она вспомнила, как мгновенно дракон заглотнул Буля... Бедный Буль! А если и Пенку с Тулупом, а если... их всех? Мия содрогнулась от ужаса и разрыдалась. Тулукт стоял рядом и сопел. Когда слезы кончились, Мия села в траву, сгребла тулукта в охапку. Он не сопротивлялся, хотя раньше терпеть этого не мог. Мия всхлипнула еще раз и поднялась на ноги. Отпустила тулукта, пригладила волосы и достала из кармана юбки книжку с морским коньком на обложке, перелистала. Кто знает, может, она спасла ей жизнь.

– Ладно, – выдохнула Мия. – Давай выбирать.

Она огляделась. Куда идти? В долину? Но ведь именно оттуда прилетели драконы. Или ей это показалось?

– Давай для начала уйдем отсюда поскорее. В долину так в долину. Кто-то же должен жить там. Какие-нибудь люди.

Она сделала первый шаг. Тулукт неодобрительно фыркнул, и Мия понимала почему. Вернуться туда, где стояли их кибитки, – вот что нужно было сделать. Но она не могла. Никогда не могла двинуться в ту сторону. Что она найдет там? Обугленные повозки? Разбросанные вещи? И... Дракон про-

глотил Буля, крупную овчарку, целиком и в одну секунду. Сколько времени ему понадобилось на Арса и Рича? Мия содрогнулась и побежала. Перед глазами стояло смеющееся лицо Крошки Си.

Срединная долина расстилалась между лесами и упиралась одним краем в Тимьянову пустошь, а другим – в священное озеро Тун. Ее опоясывал старый тракт, который вел в Унту. По долине протекала река, тут и там были разбросаны маленькие городки и хутора. Когда солнце белым жарким шаром покатилося к краю неба, Мия дошла до одного такого хутора. Крепкий дом из старых темных бревен стоял на пригорке. Над дверью висела доска, на которой было написано крупными буквами: «Последний Приют». Мия села на крылечко. Тулукт пристроился рядом. Мия вдруг подумала, что никогда не видела, чтобы он умывался, как это делают все кошки. Но при этом его шерсть всегда была чистой, блестящей и приятной на ощупь. Она погладила его по спине. Чтобы такому человеку, как Мия, решиться постучаться в чужой дом, понадобится много мужества.

Тулукт не захотел зайти в дом с ней, спрятался под крыльцом, и Мия опять подумала, что он слишком уж умный для простой кошки.

Хозяина Последнего Приюта звали Куэл, а его жену – Эдна. Они настороженно посмотрели на Мию. Здесь у них, на самом краю Срединной долины, редко бывают незнакомцы, а уж девочка, одна...

– Здравствуйте, – поздоровалась Мия, моля всех богов, чтобы здесь понимали язык Побережья. – Можно мне погреться и отдохнуть у вас?

Куэл долго рассматривал ее, а потом кивнул в сторону очага: проходи, мол, садись. Эдна подошла к ней, накинула на плечи теплый, пахнувший овчиной плащ.

– Ты голодная?

– Да, – сказала Мия, не удивляясь такому гостеприимству. Она еще мало видела в жизни и думала, что так и надо, что так принято. Ведь она и правда голодная и замерзла.

Эдна принесла ей похлебку в деревянной миске и кусок хлеба с козьим сыром.

– Денег у тебя, конечно, нет.

Мия вздрогнула. Денег... конечно, с чего она взяла, что ее будут кормить бесплатно чужие люди? Она отодвинула миску и положила на стол хлеб.

– Ладно уж, – махнула рукой Эдна. – Не обеднеем от миски супа. Кто ты такая? Как тебя зовут, что ты здесь делаешь?

– Мия. Я с Побережья, из Хотталара. Мы ехали с «Театром дядюшки Арса» через Тимьянову пустошь, на нас напали драконы и...

– Драконы? Деточка, ты нездорова? Какие драконы, мы же не в сказке!

– Но... – Мия замолчала, пораженная.

Она ожидала чего угодно, даже что жители долины выводят драконов из крохотных яиц, но что ей не поверят...

– Но как же... там пустошь горела, вы разве не видели?

– Всегда горит в это время года, – равнодушно пожал плечами хозяин. – В такую жару от любой искры все полыхает...

Мия глянула в окно. Она же не сумасшедшая. Она видела дракона, он нес ее в когтистой лапе, он хотел съесть ее на ужин! Он слопал Буля...

– Знаешь что? – сказала хозяйка. – Поешь, отдохни, а потом расскажешь нам, кто ты и откуда.

Так Мия осталась в Последнем Приюте. Она проспала всю ночь и все утро в тесной комнатке под крышей и проснулась оттого, что тулукт бил лапой по ее руке. Не открывая глаз, она притянула его к себе, за что тут же получила лапой по голове. Когти он, правда, спрятал. «Надо уже придумать ему имя», – подумала Мия и открыла глаза. Комнату заливал серый, пасмурный свет. Будто в воздухе еще летал пепел от пожарища. Мия вздохнула. Имя для тулукта – главная ее проблема, больше и подумать не о чем. Она открыла книжку, найденную в пещере дракона. Это был сборник старинных песен о северных островах. Мия никогда таких не слышала. Она даже не знала, что там, на севере, есть какие-то острова. Она прочитала всю книжку строчку за строчкой, но не нашла ничего, ради чего стоило лезть в пещеру дракона и страдать сейчас от тоски и одиночества.

Она оделась в свою грязную, пропахшую гарью и потом одежду, которая была даже не ее, а Крошки Си: юбка, рубашка, жилетка, которую та дала ей еще в Контакоре. Надо

спуститься вниз, попросить у хозяев воды, чтобы вымыться и постирать. У нее нет денег, но она может помочь по хозяйству и отработать ночлег, еду и воду с мылом.

Эдна с радостью согласилась, а заодно рассказала, что до недавнего времени у них была работница, да вот подалась в город за женихами...

– Все уезжают отсюда, никто не хочет жить в такой глуши, – вздохнула она. – А ведь тут совсем не плохо! Спокойно, и воздух свежий. Сынок у нас есть, такой умница! Да вот подался в Контакору. Что ему там делать, хотела бы я знать! Сидел дома, вон как у нас хорошо...

Мия вяло улыбнулась Эдне. Где теперь ее дом?

Хозяйка одолжила ей длинную рубаху своего взрослого сына, дала кусок мыла и показала колодец. Мия стирала за домом и думала. Что такое смелость? Она кинулась не раздумывая вслед за своим тулуктом, который захотел прокатиться на драконе, но не могла решиться вернуться туда, где, как ей казалось, она найдет остовы сгоревших повозок и... да, нужно сказать себе это: и мертвых друзей. Ведь драконы не щадят никого. Ее он не съел сразу только лишь потому, что Буль был крупной овчаркой, да и неизвестно, кем еще дракон успел полакомиться до него. А просиди она в пещере до вечера, точно бы слопал. Бабушкина ракушка выскользнула из-за ворота рубашки, закачалась над тазом. Мия выпрямилась, сжала ракушку в мыльных руках. Нельзя забыть Арса, Рича и Крошку Си. Нельзя вот так просто уйти и не

попытаться найти их. Вдруг кто-то выжил? Вдруг кому-то из них нужна помощь?

Она достирала свою одежду, развесила на бледном солнце, потом натаскала по просьбе Эдны дров, перемыла котлы, начистила картошки и нашинковала капусту к обеду. Вдруг она увидела себя будто со стороны и удивилась, что она шинкует капусту точь-в-точь как мама! В этом вроде бы и не было ничего удивительного, ведь она столько раз видела маму за этой работой, что переняла ее манеру держать нож и двигать капустный вилок. Мия очень обрадовалась этой схожести. Внешне они с мамой не были похожи, но Мии хотелось думать, что в ней все-таки много от мамы. Не цвет волос и не разрез глаз, не улыбка и не форма носа, а что-то намного более ценное, чему она не может сразу подобрать слова. Что-то, что важнее видимого и дается нам само собой, просто по праву рождения.

– Отдохни, милая, – совсем ласково сказала Эдна.

Видимо, не ожидала такой сноровки у маленькой бродяжки, рассказывающей о драконах. Мия вернулась к себе в комнату. К утру одежда высохнет. Не может же она скитаться по пустоши в рубахе Эдниного сына!

Книга северных песен

Мия вышла на рассвете. Она специально не стала будить Эдну и Куэла. Кто знает, что они скажут.

– Я смогу, – сказала Мия. – Я смогу.

Она сжала ракушку, подходя к границе долины и пустоши. Четкая черта, зеленый резко переходит в бурый. И кажется, будто Тимьянова пустошь никогда не залатает свои раны.

«Неужели мне и правда только привиделось? И не было никаких драконов, просто трава горела?»

Она знала, что это не так. Даже если весь мир будет убеждать ее в обратном, она знала: Крошка Си, Арс, Рич – они остались там, в пустоши. Она должна пойти и убедиться в этом. Не может быть, что нет никаких следов. Даже если всех целиком заглотил дракон.

Безымянный тулукт бежал впереди. Мия смотрела на его короткий, задранный кверху хвост и радовалась, что хотя бы он с ней.

«Вот чего боялся отец, когда не хотел отпускать меня, – подумалось ей. – Боялся, что я потеряюсь и не смогу вернуться. Он был прав, так и вышло». Ей стало зябко, хоть пустошь и дышала жаром, несмотря на утро. Тут и там еще тле-ли островки пожара, темнели проплешины сгоревшей травы. Пахло дымом, но не сильно и даже приятно, будто жгли листья осенью. Главное – не думать о скалах, что нависают над

пустошью с востока. О том, что где-то там есть пещера с драконом. Вот все-таки странно: как туда могла попасть книжка с морским коньком на обложке? Кто спрятал ее там? Погиб ли этот человек в пасти дракона, или драконы и впрямь привиделись ей? И откуда, ну откуда ее тулукт мог знать о книге? Да и зачем она ей?

– Неравноценный обмен, – обиженно сказала она тулукту. – Лучше бы мне осталась моя книга.

Но он только дернул кончиками ушей.

– Жаль, что ты не умеешь говорить, – не очень уверенно пробормотала Мия.

Она и не думала, что дракон унес ее так далеко, она шла полдня, пока не увидела остовы их кибиток, черные и покосившиеся. Мия остановилась. Тулукт сел у ее ног. Мия положила руку на его голову, снова мельком удивившись, каким большим он вырос так быстро. Сразу понятно, что не простая кошка. Мия закрыла на минутку глаза, собираясь с духом, и пошла вперед. Что она там найдет? Больше всего Мия боялась увидеть искалеченную мертвую Крошку Си. Она представляла, как подойдет и увидит изуродованную огнем и жаром, обгоревшую подругу, без волос и ресниц, без кожи... как надо будет копать эту проклятую землю, чтобы похоронить ее. И она будет копать. Придет ночь, будут выть шакалы, тулукт будет сидеть и смотреть на нее своими темными глазами, а Крошка Си... Мия замотала головой. Почему она здесь? Что она тут делает? Лучше бы ей

никогда не покидать свой берег с маяком!

У кибиток никого не было. Никого и почти ничего. Обгоревшие тряпки, в которых Мия признала костюмы Арса и теплый плащ Рича. Она подняла палку и стала разгребать золу и грязь. Нашла жестяную коробку из-под бабушкиного печенья, вытерла ее от копоти и, отложив в сторону, продолжила искать. Она хотела найти свою книгу, но не нашла. Глупо было надеяться: бумага и драконье пламя... Тулукт бродил вокруг пепелища, принимаясь и фыркал. «Что стало с осликом? – думала Мия. – Смог ли улететь Сильвер? Что мне теперь делать?»

В золе и пепле она нашла заколку Крошки Си. Та не была ни оплавлена, ни покорежена, будто только что слетела с ее головы. И Мия, сжав заколку в руке, разрыдалась.

Когда слезы кончились, она вытерла насухо глаза. Мия нигде не была до появления Арса в их доме и ни с кем не общалась, кроме своей семьи и пары-тройки соседей, но она была не дура и любила слушать бабушкины сказки. Она понимала, что если тулукт, рискуя их жизнями, привел ее в пещеру дракона, чтобы она нашла там книжку древних северных песен, то это не может быть просто так. В Последнем Приюте Мия прихватила старую домотканую сумку через плечо – та висела на гвозде у входа и была как будто никому не нужна. Так что Мия переживала еще меньше, чем о свече из лавки Буна когда-то. В этой сумке было все ее богатство – жестяная коробка из-под печенья да маленькая книжка пе-

сен. Мия достала ее теперь, перелистала. Это была даже не книга, а, скорее, толстый самодельный блокнот в потертой кожаной обложке. Песни были записаны от руки красивым четким почерком. Она еще раз просмотрела всю книгу. Потом вздохнула, села на колесо от кибитки, открыла книгу и начала читать с самого начала.

*Семь прях
Плели-сплетали нить,
Крутили колесо.
Семь прях
Забыли, как давно
Родился этот мир.
Когда на север сквозь холмы
Пришла твоя беда,
Семь прях очнулись ото сна
И начали прясти
Дорогу-нить,
Судьбу-дорогу,
Нитку тишины.
Лови ее, иди в холмы
И песню пой свою.*

– Ерунда какая-то... – вздохнула Мия.

Дальше было еще труднее, непонятнее и скучнее. Мия огляделась. Надо возвращаться в Последний Приют, пока совсем не стемнело. Или пока снова не появились драконы.

Она посидела еще какое-то время на месте гибели Арса,

Рича и Крошки Си, чтобы все хорошенько запомнить и чтобы собраться с силами, потом пошла назад. Надо бы вернуть сумку или выпросить ее себе в дорогу. В дорогу... где теперь ее дорога, куда ей идти? Может быть, Эдна и ее муж подскажут, как вернуться домой, в Хотталар. Мия хотела есть и пить, у нее болела голова.

Тулукт опять трусил впереди. Скоро над ней нависли скалы, где было логово дракона, и Мия передернула плечами. Сердце ее скрутило горе потери и страх, и она не замечала, куда идет. Просто шла за тулуктом в каком-то беспамятстве, переживая снова и снова свою потерю и вспоминая Крошку Си. Как она впервые увидела ее, и все их разговоры ночами напролет, и это чувство невероятной схожести и близости. Мия вытирала слезы, то и дело набегавшие на глаза, и уже не замечала ни голода, ни усталости, ни того, что день, который, казалось, только начался, клонится к вечеру. Что пустошь кончилась, на западе потянулась цепочка холмов и солнце садилось в них, как в перину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.